

ПРОЛОГ

Трудно писать о себе даже профессионалу, а еще труднее простому смертному. Ни тебе плана, ни черновика, прямо в "печать". Поэтому и получилось, через пень-колоду. Ну, например, описываю события 1946 года, и вдруг вспомнил эпизод за 1944г., что делать, беру пару листков и описываю на них события, пропущенные и вклеиваю, как "вставку". Это и портит планомерно излагаемое. Писал больше года по два, три листа в день, потом месяц и вовсе ничего. Слишком лаконично последние десятилетия излагал. Да, за одну работу на такси, повести мало. Тяжело писать не умеючи, но зато радостно на душе, словно побывал в гостях у своего детства, молодости. Макро во времени описал, и микро в событиях, но главные не упустил. Я, Блоха Иван Иванович, родился 2 октября 1928 года.

Мать говорила на Покрову, получается - 14 октября. По-старому летоисчислению. В сельском городе Васильковка на Днепропетровщине. Официально - райцентр. Число населения до 15 тысяч, состав населения - колхозники, служащие, рабочие, железнодорожники. В настоящее время функционирует один колхоз и один совхоз. Железнодорожная станция -Ульяновка и со стороны железнодорожного моста остановка или платформа Неродовка. Абсурд: в райцентре - две станции и ни одного названия Васильковка. /Попробую жаловаться в вышестоящие инстанции/. Работают небольшие заводы: железобетонных конструкций, Пенькозавод, Молзавод, Комбикормовый, Кирпичный, Консервный, Хлебозавод. Большой элеватор. Межрайонная оптовая торговая база. Бурячный перевалочный пункт. В центре базар и когда-то большие ярмарки.

Ну, вот поверхностно, что касается моей Родины. А какой же я сам. Писать характеристику на самого себя не скромно, если в ней будет отражено положительное. Со стороны, суждения будут разноречивы. Как и должно быть, сколько людей, столько и мнений. Семья моя знает меня на половину, а спроси их - ответят на 100% знаем. И в душе каждый из них отметит больше плохого. Сам я с этим выводом тоже согласен. Всю свою сознательную жизнь я ненавижу самого себя. Для семейной жизни не подхожу по многим параметрам. Одиночество мне больше по душе. Это проявлялось еще в детстве. У артистов есть такое выражение: "человек с тысячью лиц". То есть, столько ролей сыграл. Также самое могу и о себе сказать, только в меньшем количестве лиц, с десятков наберется. Слава богу, ни одного ехидного лица и маски. Одни люди говорили: гордый, другие - скромный, третьи - хулиган, и в драке безрассудно смел. И до старости защищаю сторону незаслуженно обиженного знакомого и незнакомого человека. На работе, на улице, в пьяной компании, в транспорте. Так точно веду себя и со своим начальством. Где бы ни работал

или служил на военке. В незнакомой компании малоразговорчив и тих. Наивен и доверчив среди знакомых и незнакомых. Что-нибудь купить не умею, продать тоже. Среди знакомых могу быть клоуном и не без успеха. Вот вкратце мое лицо, не маска. Плохое в характере - до грубости взрывной, неуравновешенный, чрезмерно щедрый, люблю поспорить.

На последней работе в таксопарке диспетчера отзывались положительно, может потому, что щедрее других, щепетильный, тихий, с других колон шофера говорили: "спокойный мужик". О таком поведении и суждениях безусловно повлияла болезнь на ногах, которая вымучила меня, изменив и мою "натуру". Люблю очень природу и все живое в ней. Любоваться краевидом, селами, городами, люблю путешествовать, не отрываясь от окна автобуса; поезда, самолета. Половину СССР объездил, облетал. Мир прекрасен. И правду говорят - "что может быть прекрасней - скачущей лошади, танцующей женщины и парусника под парусами". Или - нет ничего величественней и прекрасней на свете - ночного неба". А летом голубого с плывущими не нем белыми облаками. Или бушующий океан, я мог часами в одиночестве им любоваться. Вот вкратце мое жизненное кредо, во многом видеть красивое и хотя бы чуточку быть интеллигентом. А вот джентльменом, я себя считаю. Такое количество друзей как у меня везде и всюду - о чем-то "говорит". Превыше всего честь и достоинство.

Годы 30-40-50-60.

Начало 70-80-х.

ЖИЗНЬ И КАК Я ЕЕ ПОНИМАЮ

Жизнь - какое емкое слово. Жизнь на земле, фауны, флоры и человека. Из всего этого разнообразия живых существ, единственно здравомыслящим является человек. Только человек может логически и философски мыслить. Но дано это дарование природы далеко не всем людям. А жаль, что так случилось, была бы наша жизнь прекраснее, разнообразней и долгой. Ну а как же на самом деле? Для одних она заканчивается в утробе матери или на первый день рождения, на второй, третий, через месяц, два, через год или два и т.д. Это уже трагедия. Большинство людей живут дольше и совсем немногие до глубокой старости. То есть умирают собственной смертью. Этих людей можно "отнести" в разряд счастливиц. Хотя со стороны старости, по-другому смотрится /чужая - раздражает, своя - вызывает сожаление/. В старости облик человека /лицо/ напоминает обезьяну, бывает исключение. И как прекрасно выглядит человек в детстве. Сколько же преград на жизненном пути, чтобы укоротить век человека. Тысячи болезней /здоровье одно/, да и сам человек часто неосознанно сокращает дни, всего лишь единственный раз данной природой жизни. А дальше, еще больше шансов не жить. Войны, катаклизмы природы, на работе, много трагических случаев. Еда чрезмерная, алкоголь и кровожадные люди.

Долго жить - во многом зависит от самого себя. Меньше неоправданного риска, больше ума и мужества. Только в таком случае "везет". И несмотря ни на что, число людей на планете увеличивается с каждым днем. За счет Африки и Азии. Все это чревато серьезной опасностью. Не меньше чем от экологии. За примерами далеко не надо ходить, только в бывшей СССР - Фергана, киргизы с узбеками, не говоря уже о Кавказе. Где в основном большие семьи? Это и Ближний Восток, где уже и селиться негде. Для "советских людей" теория Мальтуса была "вредна". А на самом деле рождается больше, с каждым годом плодородные земли сокращаются /эрозия, строительство жилья, промышленности/, да и кладбища сколько съедают гектаров чернозема. Человечество растет, микромир /насекомые/ увеличиваются. Не позавидуешь людям третьего тысячелетия.

Наши поколения счастливее будущих людей. Относительно, конечно, это надо понимать. Счастье - тоже емкое слово и как его я понимаю. Я, лично, счастлив. Потому что наделен романтической натурой, спасибо природе за это. Мне 66 лет, а я все фантазирую будущим. Полностью счастлив человек не может быть. Каждый по-своему, это слово понимает.

Ну, например, если ты родился не уродом, мало-мальски, без физических недостатков. Прожил детство, юность, молодость, а в эти годы почти всё

должно смотреться в розовом цвете. Ни всем это дано. А я это имел, как говорят одесситы. Потому и счастлив. Сколько раз я мог лишиться жизни, а нет - жив. Видел, читал, слышал, гибель несчастных людей. Самолет разбился, автомобильная, железнодорожная катастрофы, суда тонули, молния, землетрясения. Жертвы, жертвы и опять ни я и не мои родные. Вот это и есть в моем понятии - счастье.

Никогда никому за завидовал в отношении богатства. Завидую человеку - таланту, по-хорошему конечно. И преклоняюсь только перед талантами. В чем бы он не проявлялся. В науке, технике, искусстве, спорте. Хотелось бы, чтобы мои сыновья в таком свете видели, понимали слово - счастье. Пределу человеческим желаниям нет, и поэтому я особо и не огорчаюсь, что не накопил больше чем у других. Зависти не имею, как большинство сограждан. Для других же, это чуть ли не главный смысл их жизни. Ну и слава природе, что она нас сделала такими разными и не стандартными. Без чудиков и дураков - скучновато бы жилось на грешном свете. Тем более человечество, еще и многолико. Бесконечно удивляюсь фантазии природы. На планете Земля - миллиарды живущих людей с разными лицами, почти нет похожих физиономий. Как и характеров. А как бы хотелось увидеть еще инопланетян. Предел человеческих возможностей в спорте, в технике и т.д. Мысль остановить нельзя, пока жив человек. Ко мне хорошие мысли приходят во сне, вдобавок с аргументированным красноречием. Вот бы записать на пленку. Как это говорят - умная голова, да дураку досталась.

Затянулось мое вступление, пора за мемуары. Легче это делать писателям и всем пишущим профессиям, а каково нам, серым начинать: о детстве трудно, о юности чуть легче, о молодости тоже трудновато вспомнить, поскольку много событий, больше разнообразной жизни и сотни, тысячи новых людей, с которыми проходила моя жизнь. А в зрелые годы, их число еще увеличивалось. Есть же отличие в автобиографии человека, который всю жизнь прожил на одном месте и поработал на одной или двух работах. А у меня по десятку того и другого. И все это понемногу надо вспомнить. Тысячи лиц и событий. Какие то отрывки в памяти остались, как в полузабытой песне слова.

ДЕТСТВО

1929г. -30г.-31г.-32г. Ничего не помню. 1933г. Голодомор. Один эпизод в памяти зацепился. Сидим во дворе, кушаем за столиком высотой сантиметров двадцать, как в Средней Азии. Сейчас таких не увидишь. Ну так вот, поели, я встаю с куском хлеба в кармане. Выхожу на улицу, на средину ее и остановился. Слева живут Житники, справа Коваленки. И те и другие догадываются, что я не с пустыми руками, - Ваня, иди к нам гулять, с противоположных сторон слышу. Я растерян, куда идти. Жаль обе стороны стоящие у ворот. Разделил поровну. Вот и все что помню за голодный год. Опухших людей было много, "старців" /нищих/ ещё больше. Люди ходили в степь к скирдам соломы и просевали зёрна. Был случай подрыли скирду и полова придавила на смерть несколько человек.

1934г. - ничего не запомнилось.

1935г. - Летом ходят учителя, пишут в школу с восьми лет. По просьбе родителей записали и меня. В классе с 1928г. было всего лишь несколько человек, а большинство с 1927 и 1926 гг. Мне дали испытательный срок - месяц. Если будет успевать, дадим книги. Тогда в школе выдавали. И я бегал какое то время без ничего. Потом получил учебники. Так что мой год рождения в школу пошёл на год позже, а я раньше. Дома делать домашние задания никто не помогал. Все делали сами дети. Поскольку я старший в семье, все приходилось делать самому. В учебе был середняком, даже до "ударника" дотянул. За что зимой получил премию - коньки Снегурочки /так назывались/. "Ударник" значило, кто учился "на добре" и "відмінно". Во втором классе записался в библиотеку. С тех пор и "заболел" чтением. Сначала художественной литературой, а подрос всё подряд. Периодику, газеты, журналы, благо батяно выписывал. Так всю свою долгую жизнь, лучшего наслаждения, чем чтения, я не знаю. Готовить уроки ничего не мешало. Не было таких "раздражителей", как музыка, тем более теле-радиоприборы отсутствовали. А вот футбол только начал входить "в моду", этот вид спорта отрывал время на учебу. Летом при школах создавались пионер-лагеря. Посещал и я, где неплохо кормили, водили на речку. Общим с охотой посещал такие заведения, поскольку пища или еда для детей много значили. Семьи большие и чаще полуголодные. Школьных столовых и в помине не было. Упитанных детей почти не было. Одежда невзрачная, темно серые тона, почти без фасона. Ткань хлопчатобумажная. Два человека в классе переселенцы, кацапы с Брянской области, те одеты были по "старинному", в кафтанах с долго тканного полотна, выкрашенного в синий чернильный цвет. Для нас это было "дивом". Обувь, особенно зимой, кто в чём. Летом, весной и сентябрь -

все ходили босиком. Даже. В Днепропетровске бывая, видел на проспекте, больше половины босые ноги. Нынешним людям представить себе такую картину невозможно. Детская нога или взрослого человека почти без разницы. То ноготь сбитый, запекшийся кровью, все в ссадинах, а ступня ноги, как подошва сапога с бесчисленными занозами и ранками. Да еще футбол помогал “совершенствовать” ноги. Эх, ноги мои, ноги, как говорил Шукшин в кино. Зимой другой вид испытаний для ног. Постоянно мокрые части с примерзшими портянками до стельки.

Почти не болели /только скарлатиной и летом малярией/, но сопливых было много, и все рукавом до локтя “залосненным»! А у меня, почему то не было “их”. Зато в зрелые годы одно мучение. В старости с двумя платочками хожу.

Опять вернусь к школе. На Кучугуре была одна начальная школа. Два приличных здания с одной стороны улицы возле шоссе и с другой возле большого кладбища. Посередине между зданий вроде площади расположен спортгородок. Турник и два огромных столба с перекладиной.

В тридцатые годы все пустыри застраивались спортивными городками и стадионами. Что было сделано и для нашей школы. Во время перемены все устремлялись на спорт площадку. Все без принуждения заражены были спортигра-ми. Почти все пацаны были драчуны. В классе я был самым маленьким и по годам и по росту. Но в драке боец и, не взирая на число и весовые категории. Амбалы меня побаивались, со мной “Считались”. Отметка по поведению в карточке “погано” красовалась постоянно. В начальной школе два раза моя голова “пострадала”. После уроков шли домой, и задрались с лучшим другом /теперь кум Федя/, я за ним погнался. Он заскочил во двор, схватил кусок кирпича и кинул в меня, а я хотел увернуться. Получилось наоборот, подставил голову, и через секунду все лицо залило кровью. На второй день явился в школу забинтованный, по серьезному, все обратили внимание. Второй раз ручкой деревянной кожу содрали на темечке. Ни дня без драки. Как лозунг.

Таких детей называли “сорвиголова”. Постоянно куда-то влезу. На левой брови шрам, меж бровями шрам. На левом боку выхвачен кусок мяса. С годами, еще больше происшествий. Ну, об этом позже.

1936г. Помню первые выборы в СССР. Если, так можно назвать, потому что один кандидат на одно место, вот и “выбирай”. Кандидат была женщина. Фамилия Сотницкая.

1936-1937гг. Гражданская война в Испании. Скрытно направляются наши военные летчики, командиры. С этих пор и пошли наши жертвы на чужих полях сражений. Бессмысленные, ненужные, но “необходимые”, по-видимому,

эта привычка агрессии и террора передалась по наследству, от Российской империи к империи СССР.

С этого времени и начали кухарки управлять государством. Слышал в толпе от мужчин - жидовская власть. А что к чему, еще не понимал, только удивлялся такому определению. В Васильковке репрессировано около 30 человек.

1937г. Газеты запестрели судовыми процессами над "врагами народа". Троцкисты-Бухаринцы, собакам - собачья смерть. Газеты батко выписывал, то и я уже почитывал. Хорошо все это помню. Ну а книга стала для меня родной, как мать. Зачитывался путешественниками Миклухо-Маклай, Пржевальским, Жюль-Верн. Ну а советская литература, в основном, состояла из революционных повестей, рассказывающих за Прикордонників. Як вони ловили шпигунів. Детских книг мало было. Во многих семьях настольной книгой, безусловно, был Кобзарь Тараса. Советская власть преподнесла его, как революционера и "в сім'ї вольній новій" трактовала, как предвиденья Октябрьской революции. Взрослым я прочитал "Заповіт", и понял, что имел ввиду он соборну Украину. За что всю жизнь и страдал от Российской Империи. Великий российский писатель Иван Бунин в своем романе "Арсеньев" /почти автобиографически/ сказал о Шевченко "поистине гениальный поэт". Целое лето он, Бунин, провел в Полтавской губернии и был очарован Украиной, его слова "Прекраснее Малороссии нет страны в мире, и что главное, то, что она уже не имеет своей истории". /Бунин/. Спустя полвека /нынешние поколения/ любовь до Кобзаря на нулю. Блестящая "работа" старшего брата, особенно советской пропаганды.

1938-1939гг. Что было хорошего при новой власти, так это подъем культуры и спорта. Открывались клубы, ликбезы, все пустыри застраивались спортплощадками и стадионами. ДОСААФы или Осоавхимы, что-то вроде. В центре Васильковки построили стадион, /где он и сейчас/ и парашютную вышку огромную. В выходной день тут собирались тысячи людей, рядом небольшой сквер, куда вывозили торгашей ситро, кондитерские, мороженое. А духовой оркестр гремит на всю округу и карусель.

1939-1940гг. На этом стадионе проводились митинги, где "горе-политики" оправдывали нападение СССР на Польшу, и в 1940 году зимой на Финляндию. Поскольку мы страна "миролюбивая" то по-другому это и преподносилось. Бег, прыжки, гранатометание, показательные выступления боксеров, борцов из Днепропетровска и, конечно, футбол. Было у нас 5 футбольных команд взрослых. Ну а детских в десять раз больше, на каждой улице своя команда. При ДОСАФе имелся планер и летчик-планерист. На пустырь выкатывали лошадыми планер, и мужчины, сотни их, растягивали резиновый трос толстый,

планер на тормозе. Когда трасс резиновый полностью растягивался, а пилот в этот момент отпускал трос и тормоз. Планер пулей срывался с места и взмывал в небо, ловя восходящие потоки воздуха, парил над стадионом. Попробуй сейчас собери столько добровольцев на подобное мероприятие. И так было не раз, а однажды потерпел аварию этот планер, врезался между двух пирамидальных тополей, но пилот жив остался. Он же заведовал и парашютной вышкой. На стадионе людей полно, всегда по выходным и желающих спустится под куполом много. 1 руб. билет, и если вес твой за 40 кг, пожалуйста. Тоже печальная судьба этого сооружения. Летом в бурю, наполовину вышку срезало, она была из дерева отборной сосны. Сейчас вроде бы и бурь таких не бывает. И так каждое воскресенье, что-нибудь происходит на стадионе, а футбол обязательно. В школе свои игры, я запомнил одну из них на всю жизнь.

Кусок деревяшки с гранями. Условия игры не помню, наверное, с какими-то наказаниями проигравшему. Придя домой и зная, что у деда Григория Сильвестровича Блохи, есть всякий инструмент столярно-плотницкий, я решил выстругать и себе такую игру. Взял небольшой топор в правую руку, а в левой - деревянный брусок. Первым или вторым замахом и по двум средним пальцам верхнего изгиба, лезвием топора рубанул. И главное с внутренней стороны пальцы пострадали, как будто, я их положил на колоду специально для отсечения. Короче большой палец на шкурке висит, а меньший до половины кость пострадала. Не помню на чем меня в больницу доставили. Под наркозом зашили и пальцы мне, дураку, спасли. Срослись прекрасно. Это случилось в четвертом классе. Отметины на моем теле множатся. 1939г. Перехожу в 5-й класс десятилетки, расположенной в центре. 5-й "В", непонятно, почему, но 30 хлопцев и шесть девочек, постоянно запуганных и битых. Школа большая двухэтажная в две смены до 1000 человек учащихся. На большой перемене кто-нибудь с десятых классов выносит футбол и ударяет вверх. Мы, малыши, давай хватать руками и носится по двору. В конце длинного коридора работал переносной буфет, где продавались пряники, печенье, штучный продукт. Продавец один, а нас сотни. В общем, большую часть дня с пустым желудком. В этой школе уже больше драк было, так как большинство незнакомых для нас пацанов. И личные, дуэли и групповые. Проучился в этой школе до половины шестого класса. Как же прошло раннее детство? Мне, кажется, веселей, чем у моих сыновей. У них телевизор много времени "скушал". Наше детство прошло в тридцатые годы. То есть чисто "советское", религия уже не исповедовалась. Церкви сломали, клубы и кинотеатры построили. Старые люди на нас говорили: безбожники, кроме спорта, мы ничего не признавали. Появилось радио, патефоны, духовые

оркестры играли в парке на стадионе, в школе. И если предыдущие поколения, почти все, играли на гитаре /семиструнной/, мандолине, балалайке, то мы этими инструментами не “владели”, не играли на них. Кроме спорта и кино, мы ничего не признавали. Вот таким образом мы оказались “людьми нового времени”. В нравственном отношении стали “ниже”, а по грамотности “выше”, парадокс, ну это так. С этого времени и пошел отсчет деградации общества “советского”.

Старые традиции не признавались, отвергались. Национальные тем более. СССР признавал только интернационализм. И так до конца 20-го века. Старое забыли, новое не прижилось. Интернационализм - это без национальность. Империю СССР это устраивало, все единое, по стандарту. Что из этого вышло всем известно.

Вернусь к детству 30-х годов. Семьи были большие, чуть меньше чем до революции 17-го года. Тогда по десять, двенадцать детей. В мое время - тридцатые годы - пятеро, семеро детей. Из них больше хлопцы, так что на каждой улице орава, гоняющая футбол. И старики с интересом, наблюдающие за игрой, для них неведомой. Климат был умеренно-континентальным и стабильным. Без резких перепадов, как сейчас. Зима снежная с ветром, все балки и овраги занесены снегом. Для лыжников красота с гор спускаться. И в каждом доме санки самодельные, на них катались с горки, кто не имел лыж. В школах обязательно урок физкультуры, ставали на лыжи. А дома до темна. Одежда - кто в чём. Спортивных костюмов еще не было. Хотя начали появляться байковые шаровары и куртки. Мороз небольшой, только в январе дней двадцать похолодает -20-25°C, а -5-10°, но всю зиму держит, оттепели редко. Весна - со второй половины марта, резкое потепление +10+15°, и снег, скопившийся в балках за считанные дни тает, превращаясь в бурные потоки талой воды. И наша речка Волчья с маленькой, превращалась в большую “Волгу”. Вся долина километровой ширины заливалась водой. Для нижней части поселка, иногда оборачивалась бедой. В конце марта на школьные каникулы снег полностью сходил и земля прогревалась. И в начале апреля пробовали босиком играть в футбол, с половины апреля сухо, ветрено и пыльно. Все ходят в шведках, черные от загара. В начале мая купальный сезон не только в малых речках, но и на Днепре. Вторая половина мая - купались все подряд на Азовском и Черном морях. К двадцатому мая поспевала красная черешня. Май месяц был летним. Лето сухое и жаркое. Дожди редко выпадали. Фрукты и овощи, сладкие из-за обилия солнечных дней. Сухой воздух способствовал этому процессу. Кавуны и дыни величиной с ведро. Пацанам земной рай, на р. Волчья месяцами пропадали. Ловля рыбы и купанье. А сколько драли в пещерах раков и вьюнов.

Делали набеги на колхозные сады и всегда успешно, особенно когда поспевала малина, клубника, красная черешня, потом желтая и так до самой осени. Сады были большие по 150 га. Сторожа, в основном старики, два, три. Ну а бахча, само собой, к августу созревала, дыня “колхозница” и ранние кавуны, опять для нас райская жизнь. Потом поздние кавуны большие и зимние дыни, килограмм по пять одна. Качанки дыни, похожие на кочан кукурузы. Кожура снималась как в банане. Мякоть белая и при еде можно подавиться, сладость и аромат необыкновенный. Куда подевалось все это. Вывелись такие сорта. Вернее “вывели”, плюс к этому похолодало лето. Если в 1960-70гг. граница бахчеводства проходила за Харьковом и Полтавой, не говоря уже за тридцатые и сороковые годы. То теперь в девяностые - и на Днепропетровщине плохо родят.

Вся беда в том, что нынешние поколения и будущие уже не увидят ту природу и землю, какой она была для их предков. Изменение климата началось в конце сороковых и резкое в пятидесятые годы. Потом чуть убавилось в шестидесятые, вроде бы и зима снежная и лето жаркое. В 70-е годы опять взбесилась небесная канцелярия, что не год, то сюрприз погода преподносит. То ли летом, то ли зимой климат ставит рекорды, а весна из года в год холодная. Осень вроде бы нормальная относительно. Да и она не осталась в долгу по сюрпризам и в 1993 году с 9-го ноября ударили морозы и в двадцатых числах до минус 20°. Поэтому в 1994г. летом мы остались без абрикос, ни единого. Такого я за свою жизнь не помню. Хоть дерево жить осталось, а персиковые все вымерзли.

Отступления заканчиваю. И опять возвращаюсь в довоенные годы. В центре Васильковки работал кинотеатр /кроме этого кино крутили на “Низу” и Ульяновке/, куда мы ходили в кино и “заболели” ним не меньше чем футболом. Тут же разбили парк небольшой, где по выходным гуляла масса молодежи. Вокруг парка расположились крупные магазины и много ларьков, в основном деревянных, с натуральными соками, мороженым и ситро, не на экстракте, как сейчас. Помню вкус его и сейчас. Все было натуральное. Еще хорошо было с рыбой. В основном из Бердянска вяленая, соленая, копченая и, само собой, тюлька. Водки полно, но пили меньше намного, чем теперь. Перед войной бывали перебои с сахаром. Я тоже ночью ходил занимать очередь. Мануфактурные магазины были с пустыми полками. Если завозилась материя, то очереди занимали с вечера, а утром такая давка у дверей, что кто слабый, пробкой вылетал. Какого бы качества товар не поступил, все выметалось за один день. И опять полки пустые. Шерстяные изделия почти отсутствовали, также и ткани. Очень бедно одевались люди и не модно. Правда, на мужчинах на всех были каракулевые папахи, чуть пониже чем у

полковников теперь и не серые, а черные. Парубки носили кубанки. Обувь - хромовые гармошкой сапоги и со скрипом. Летом на ногах, в основном, парусина с резиновой подошвой. Это по выходным, в будни - босиком, как я раньше писал. Очень модным были галифе. Никогда без компании приходил в центр просто погулять, очень был наблюдательным. Не случайно и знал всех в центре, старше себя молодых парней. Еще у молодежи было увлечение штангой, занимались тягами от мала до велика. В шестой класс мы ходили после обеда и перед уходом, собирались у Коваленок, где тоже тягали штангу самодельную. В конце тридцатых или в середине появились велосипеды. Кто их заимел, то ему завидовали больше, чем сейчас автомобилю. В основном старались купить парубки. Купил батько и себе. Я тут же научился, как и многие, вернее немногие, потому что стоил велосипед дорого. Ни всем по карману. Пацаны ездили не в седле, а через раму. Детских велосипедов не было. Помню по улице гоняли "великами", а с какого-то хутора, едут мужики на "Брычке" и с таким интересом смотрят да показывают пальцами на нас. По-видимому первый раз увидели, каким способом мы ездили. Мотоцикл вообще был на редкость... На Васильковку всего было десятка два автомобилей - грузовики. И три легковых МКЦ. А в основном, все делалось лошадьми. Перед войной построили ипподром, где проводились выезды на рысаках и скачки верхом на скакунах. Половина Васильковки собиралось на это зрелище. Как-никак областного масштаба, а то и республиканского соревнования. Перед войной много работы проводилось с допризывниками. Сдавали нормы на значки ГТО, "Ворошиловский стрелок" и еще какие-то. Парубки ходили увешаны значками, как орденами. На "Кучугуре" был организован и взвод кавалеристов или эскадрон. Занятия проводились по выходным. Почти все они проявлялись в кавалерию, да и на войну. Для пацанов зрелищ было много. Воспитывались мы в труде и в военном духе. Кинофильмы, в основном, с революционной тематикой и гражданской войной. Еще перед самой войной года за два, показали фильм "Если завтра война". Будущий противник, тоже наверное, смотрел и сопоставлял отсталость советской военной машины против своей. К этому фильму и песня "Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы. Полетит самолет, застрочит пулемет, загрохочут железные танки. С нами Сталин родной и с железной рукой, нас в поход поведет Ворошилов". Примерно так распевались песни и на улицах. Как бы две параллели СССР - коммунисты и Германия - фашисты. Разницы мало в политике. Мы собирались мировую революцию осуществить, а Гитлер весь мир покорить. Не случайно и сцепились два "друга". Мы: "выиграли" войну, а вернее завалили их собственными трупами. Да еще слава богу территория громадная, отступай себе, усеяв костями в два слоя туда до Волги и обратно.

Опять отступление сделал, не по порядку веду описание, своей никчемной жизни. И ничего о семье, в которой рос.

Зима 1940 года. Уже нас в семье четверо детей: Дина - рождения 1932г., Тамара -36г., Шурик - 39г. С батьком мы мало виделись днем. Приходил он ночью, когда все спали. Общались, в основном, с мамой, все тяготы и семейные хлопоты на ее плечах. Воспитывала, выхаживала, как могла и за это ей низкий поклон.

В 1940 году батько был на курсах за Днепродзержинском, ст. Божедаровка. По-видимому, там готовили агрономов и голів колгоспу. Как правило, все они были коммунисты, умственный потенциал особой роли не играл. По окончании курсов, батька направили головою колгоспу "Пролетарский" в с. Бондарево от Васильковки 7-8 км. Когда бывал в районе по делам, то заезжал и домой. Летом взял и меня с собой. Ехали мы на тачанке красивой с резиновыми обводами на колесах и рессорах. На шоссе такие экипажи катились мягко без грохота. Кони соответственно "выездные" красивые. Одет я был в черных вельветовых штанах, в то время их называли бархатные. И в белой рубашке, в украинском стиле. Село очень красивое, две-три улицы. После райцентра мне показалось диковато и глухо. Сюда нам и предстояло переехать на временное жительство.

Зимой 1941 года на колхозном автомобиле нас перевезли в Бондарева. Третью четверть после каникул я уже пошел в 6 класс школы села Краснощеково. Расстояние небольшое - 3 км, ходили пешком по глубокому снегу и грязи. Для нас в то время не имело значения, как добираться. Все пацаны Бондарева на меня смотрели, как на городского и побаивались. В новой школе меня никто не трогал. Закончив 6 класс наступило лето 1941 года. Все дети помогали взрослым на полевых работах, в том числе и я. Возле хаты, где мы жили, имелся сад и огород. Все это мы обрабатывали. В свободное время собирались с пацанами возле конторы, играли в волейбол.. А вот футбол в таких селах, почему-то не привился, для меня это было ударом. Летом работали все пацаны в колхозе. Один приятель уговорил меня пасти коров колхозных, и на этой стезе я себя попробовал. Детство проходило весело и здесь на новом месте жительства. И обязательно в труде, может потому среди нас неженков не было. Все шло своим чередом. 22 июня возвестили о начале войны. И пошли проводы на войну.

Колхозный митинг, где ораторы грозили врагу, как умели. Хотя больше слышно было стон и плач женщин и детей. Где-то через месяц начали двигаться обозы из Бессарабии и Західних областей Украины. Направлялись они на Кубань. В основном это были семьи военных и партийных работников,

а также цыгане и еврейские семьи. Потом поехали с тех областей целые колхозы со своими стадами коров, овец. На железнодорожных дорогах вселенское движение с эвакуированными на восток и с войсками на запад. Все это зрелище представить себе трудно, надо было только видеть. Созревал хороший урожай хлебов, фруктов и овощей. Лето было знойным и пыльным, вся эта движущаяся масса выглядела ужасно. Доживала и наша семья последние месяцы в Бондарево. В конце августа, выкопав картошку и погрузив на кулату /с высокими бортами повозка/, повезли в свою рідну хату, в наш сельский город Васильковку. А после и вся семья наша переехала домой. Проблема переезда в те времена не стояла так остро, как сейчас в девяностые годы двадцатого столетия. Что у нас было в 1941г. с утвари или мебели. А почти ничего на шесть человек семьи. Одежды и обуви не больше на три мешка, две кровати железные, четыре стула, два стола /большой и малый/ и скриня или сундук, заменявший шифоньер. Три казана, пара кастрюль, сковорода и от силы десятков мисок да тарелок.

О сервизах и наборах ножей и вилок и не мечтали. Электроприборы и радио отсутствовали. Да, забыл, еще была этажерка для книг. Ну вот мы опять уже дома, батько остался в колхозе. Готовил к эвакуации все колхозное добро. Не знаю, как ему, а нам весело, опять среди родных и друзей на старом месте. Начало сентября пошел в седьмой класса А война все набирает обороты ближе и ближе фронт. Улицы райцентра забиты войсками. В небе целый день барражирует пара ястребков "чайки", охраняя скопление массы людей и техники. Васильковка превратилась в военный городок. Начали поступать раненные. Школы закрылись, превратившись в госпитали. На этом мои "университеты" закончились. Из Донбасса нагнали тысячи шахтеров для рытья противотанковых окопов, вернее рва, глубиной метров шесть и шириной до десяти. На какие только глупости и преступления способна была советская власть и ее вожди "стратеги". Ров этот рыли вдоль реки на десятки километров. И только вручную лопатами, в основном женщины и шахтеры. А глубина большая, вот так уступами и выбрасывали на верх землю. Потом боковины ровняли. А наверху выброшенную землю ровняли волокушами, запряженными парой лошадей. Техника отсутствовала полностью на таком громадном сооружении. Сотни тысяч людей было задействовано и все напрасно. Обошел нас немец стороной и остался не тронутым ров и десятки готовых дзотов. По-видимому в планах военных бала задача остановить продвижение фашистов на рубеже Васильковки. А концентрация войск была "порядочная". Однажды проснувшись утром, люди не увидели ни своих, ни фашистов. Перед этим батько прислал гарбу, запряженную четырьмя лошадьми для эвакуации нашего семейства. Мама отказалась и поступила

правильно, поскольку меньшей сестре Люсе исполнилось только два месяца. Продукты мы изъяли и пару месяцев жили сытно. Да и слишком поздно надумал он эту затею. Многие возвратились, аж из Калмыкии, смысла не было. Немец флангами обходил быстрее, чем ехали беженцы. Кто уехал в августе те успели поселиться за Волгой. По приезду домой мы выкопали окоп, для семьи, перекрыли сям так, ну от пули или осколка годился. И часто сидели в нем, хотя в 41 году Васильковку мало тревожили немцы. Одна дальнобойная артиллерия била по нас.

Наступило безвластие. Не помню сколько дней, но было так. На улицах люди не показывались, боялись. Кроме нас, пацанов подростков. Братья Коваленко и я, где-то взяли брошенных две лошади с повозкой и поехали в центр. Кто – то сказал, что там грабят магазины, учреждения, базы и т.д. Но было уже поздно, все что не эвакуировано люди подобрали. Позаглядывали по пустым магазинам, и ни с чем вернулись. Было это, кажется, в октябре. Начала появляться немецкая администрация. Райуправа из местных, во главе Васильковки, комендант немец гебитскомисар, Жандармерия /гестапо/ полиция из местных.

Малость “проскочил”, не последовательно изложил события тех лет. Как я уже писал, семьи были немалые в тридцатые годы. В моих сверстников было по два по три брата, а я один. Зато двоюродных у меня было достаточно. Поэтому иногда меня заносило гулять на Первомайскую улицу, поскольку там гуляли мои двоюродные Донец Ваня и Николай. Или на нашу Кировскую улицу, но чуть выше до кладбища жили братья Здор и Жмурко Федя. Жмурко - это фамилия моей матери /девичья/. На них я и похож. Федя был старше меня, с 1925 года, но мы с ним были как родные и дружили. Наши характеры очень схожи. Мечтатели и романтики любили поспорить, палец в рот не клади. Пойдем в центр посмотрим революционное кино. Идем домой и фантазируем, и конечно с песней. А пели прекрасно, так говорили люди. Федя был красив, брюнет. После кино говорил, я худой, меня пуля пройдет насквозь, ничего не задев в животе... Еще он говорил, -придут немцы, будем партизанить. Оружия осталось много, после отступления наших. Начали гибнуть люди. Особенно пацаны, подростки. То по снаряду ударяли железом, камнем. Бомбу разбирали, не говоря уже о минах противопехотных, противотанковых. Потери ощутимые, даже в масштабах района. Подрывались и взрослые на минах. Однажды в октябре или ноябре, придя к Феде домой, застал там Лихацкого Григория. Пятьдесят с лишним лет назад трудно восстановить разговор между нами в 1941 году. Вроде того, что много мин у озера и реки,

гибнут ни в чем неповинные люди. Лихацкий, как старший по возрасту и возглавил нашу команду.

Человек шесть набралось. И пошли до озера противотанковым окопом до речки, по над речкой до взорванного деревянного моста. У моста целый штабель противотанковых мин. Несколько штук разминировали и мы. Между речкой и шоссе Павлоград-Васильковка, вырыт противотанковый ров, с временным мостиком, на тот период тоже взорван был. Где -то взялась тут женщина с плачем, обратилась к нам. Между двумя взорванными мостами ее пятнадцать гусей. Так помогите в окоп загнать и выбросить наверх, тогда она только сможет погнать их домой. Мы с Федей оказались самими жалостливыми. Взяв по пустому ящику из под мин /дома пригодится/ пошли выручать бабку. С полчаса потребовалось нам на ловлю гусей. По уламкам моста выбрались мы и пошли домой. Выйдя на шоссе услышали свист со стороны минного поля. Оттуда машут руками, призывая вернуться к ним. Ну останови кто-нибудь нас, мы сделали доброе дело и были на пути домой, мы бы не потеряли дорогого нам всем Федю Жмурка.

А Украина, не побоюсь такого масштабного слова, может быть второго Тараса Шевченко. К 1941 году у него уже была написана толстая тетрадка стихов и целый альбом рисунков.

Все схватывал на ходу и стих и рисунок. Со временем, это была бы личность. Кроме меня, его никто и не вспоминает. В тысячу раз обиднее делается, зная о том, что в своей гибели он не виноват. Лихацкому я так и не простил этого, до его кончины. Федю он пережил на 30 лет. В то время была ужасная грязь, добравшись к ним увидели такую картину. Три противотанковых мины заряжены толлом. Он дает одну Феде, а сам с двумя идет к горящей куче тола.

Четыре человека спрятались в окоп возле моста. Я спрятаться не успевал и развернулся бегом в сторону шоссе. Бросив в огонь с горящим толлом, а его там было ни одна сотня кило, они побежали в сторону речки. Через несколько секунд, взрыв страшной силы. Вся взрывная волна пошла в мою сторону с меньшим количеством осколков. В их сторону сыпануло осколки и горящий тол. На сколько мой вывод правильный не знаю, но истина в нем есть. Взрывная волна подняла меня вверх, развернув к взрыву бросив лицом об землю. Повезло, что не об сухую, а в грязь. Всего этого я не помню. Наверное, взрыв такой силы отшибает сознание в один миг. Мне кажется в подобных случаях человек лишается жизни, не думая, не чувствуя, не ощущая боли и не зная, что он уже не жилец. Сколько секунд, я был на "том свете" не знаю. Открыв глаза, но не открою рот. Подбородок в грязи и в крови, течет она и по шее. Пальцами разжал рот, зубы целые. Осмотрелся, вижу в метрах в

тридцати лежит Федя, лицо чистое, смотрит в мою сторону, что-то говорит, но я его не слышу. В ушах сплошной шум и свист не прекращается. Лихацкий лежит вниз лицом без сознания, пробуя ползти. Одежда на нем тлеет, дымится. Кто-то набрал в речке воды, поливает его. Подбежали и ко мне, пытаюсь остановить кровь, к этому времени воротник мой уже красный. Небольшая ранка слева на подбородке и на шее с тыльной части. Ту ранку, что на подбородке придавил пальцем, а затылок кое-как, и полностью не могу остановить кровь. Кто на ногах, вывод сделали такой: Лихацкий жить не будет. Федя, Федя, у него оказалась самая тяжелая рана, низ живота вырван. Ранение в живот, в войну считалось самым тяжелым и смертельным. Все время он был в сознании. Так они и остались пока лежать на земле. Я пошел своим ходом с Булавой Иваном, кое как перебрались по уламкам моста и выйдя на шоссе, я отправил своего сопровождающего быстрее оповестить родных. А сам прилепив бумагу к затылку, придерживая левой рукой приближался к Васильковке. Поскольку крови потерял уже немало, я стал задыхаться, думаю, ну все "хана" мне не дойду. Потом вроде бы опять восстановилось дыхание, дойдя до крайней хаты увидал женщину. Окликнул ее, увидев меня она на какое-то время потеряла дар речи. К тому времени моя одежда сделалась темно-красной. Сорвав с себя косынку начала вязать мою шею. Опять я пошел, у какого-то дома мне навстречу бежали девушки с нашей улицы. В начале войны они окончили курсы медсестер, имея при себе бинты и лекарства. Профессионально перевязав меня, уложили на бричку и повезли в центральную больницу. К этому времени наступил вечер, а больница и ее операционная без света, что там делали, я уже не помню. Микро осколок так и остался в моем затылке. При нажатии пальцем по ранке чувствую резкую боль, так что память войны всегда со мной. Контузию я ощущал еще не один год. От медкомиссии, я это скрывал, иначе не видеть бы мне флотской службы. А невропатолог все время с подозрением, с натяжкой пропускал и ставил слово "годен".

Из больницы привезли меня домой, уже стемнело на улице. И в это время мимо нас везли Федю, - "Блошко", услышал я голос его, в последний раз обменялись ободряющими кличками. В три часа ночи он умер в сознании, успокаивая мать. Ушел из жизни талант, романтик, железный юноша. Таких не миллионы, а единицы. Без меня Федю и хоронили. Я лежал в постели, сильно болела голова, отечность лица и шеи, а главное весть за Федю, плюс контузия сделали мои ноги ватными. Не мог пойти и десять метров. Не плакал, а ревел навзрыд с нервной дрожью в теле. С этой душевной раной я и живу. Не помню, сколько я выздоравливал, но контузию чувствовал десятилетия. Моя

же душевная рана, так и осталась неизлечимой. Обида за смерть брата ни в чем неповинного в своей гибели.

По - немецки полицай - Шуцман. В гражданском, но с повязкой на рукаве и с винтовкой. Биржа труда открылась, для нас новое слово. По приказу коменданта введен комендантский час. Не помню с какого часа запрещалось движение на улице, и разные приказы, как например, оружие, радиоприемники сдать, не то расстрел. В расход пустили несколько евреев, не успевших уехать. Еще забыл упомянуть, в 1941 году, на "передке", так называлась среди воевавших линия фронта, кроме старшин и лейтенантов, никого из старших не было. Вот так в первые месяцы воевали. Начальство бежало первым от немца машинами, которых так мало было в то время. Паника и разброд царили полностью в Красной Армии. И большая часть мужчин и молодых хлопцев вернулись из плена. Особенно те люди, которые пострадали от советской власти. А таких людей в Васильковке было немало. Если их часть отступала по территории Украины, то они дезертировали. Много пленных осталось жить у нас. Возобновились работы в колхозах. Немцы их не разогнали, не дураки, они знали что такая форма ведения хозяйства наиболее выгодна для государства - можно все вывезти под метелку, не оставив ничего производителю. Колхозы называли именами исторических личностей: Б. Хмельницкий и т. п.

Пошел и я работать в колхоз. В степи будка на колесах, там с нами пацаны пленные работали. После работы отдыхали, веселились как могли. В углу будки висел портрет Гитлера. Мы ему глаза выкололи и помидорами бросали в него. Наступила пора отправки молодежи в Германию. Брали больше девушек и молодых семнадцатилетних хлопцев. Обязательно физически здоровых, дабы не заразить арийцев болезнями. Были и такие, что ехали добровольно. Другие наоборот симулировали болезнь и перед медкомиссией пили разную отраву, чтобы их забраковали. В Васильковке спасением от Германии был Лубзавод. Кто работал на этом предприятии, имел "броню". Человек шестьсот молодых людей избежало и этой участи. Работали в две смены -дневную и ночную. Поступил и я туда работать. Платили мало, карбованців шестьсот, Українськими червінцями. Печатались они в місті Рівне, то була столица України. На газетной бумаге, синего цвета изображения, но рисунка не помню. Десять кочанов кукурузы стоило 40 карбованців. На заводе кроме зарплаты, на талоны получали крупу пшена, подсолнечное масло и хлеб. Все это в мизерном количестве. Основная продукция завод Луб - с переработанной конопли получалось волокно отборное. Его прессовали в тюки и отправляли вагонами на фабрики ткацкие. Думаю, что брезент с такого

волокна ткнут. Луб производили в Основном цехе. Так почему-то называли Основной. Несколько станков из вальцов, через них пропускались снопы конопли. После вальцов станок, где прочесывали волокно и получался длинноволокнистый Луб чистый, как девичья коса. Твердая часть конопли /отходы/ шла на топку локомотива-производителя электроэнергии. Отходы назывались Костра, как топливо продавали ее и рабочим. Горит хорошо, но взрывоопасно, если много засыпать в плиту. Основной цех во время работы можно смело назвать исчадием ада. Грохот от вальцов и пыль стоит туманом зеленым. Кроме марлевых повязок от пыли другой защиты не было. Хотя пара вентиляторов, отсасывающих пыль и Костру была. Отходы волокна шли на производство веревки, шпагата и пакли. Рядом Основным был Канатный цех - в нем я и работал.

Работа в основном ручная. У торцевой стены цеха стоял ряд колёс деревянных, метра два в диаметре, закрепленных на оси и вращающихся мускульной силой. Крутишь за ручку большое колесо, через ремень вращение передается на малое колесо и три или четыре вращающихся блока или валика. За них девушки и цепляли за крючки волокно, коим были опоясаны и двигались "задним ходом" метров пятьдесят. Правой рукой вытягивая пучок пряжи, от вращения которая превращалась в шпагат, из которого тут же в цехе, но в другом месте производили канаты или веревки разного диаметра или величины. В общем мы, подростки, крутили колеса. И таким способом всю смену, дневную или ночную. Нелегко было, ну зато весело, круглом одна молодежь. Человек сто пленных наших солдат работало на заводе, директором был Лобко Н., сверстник моего батька. Ездил он в тачанке, "раздобревший" на харчах калорийных своих или немецких. А хозяином завода был немец Донаре, по званию комендант. Тот везде на автомобиле "Опель"- "кадет" или "капитан". Возили его шофера наши, две переводчицы было. Своя заводская охрана, как полиция во главе с Ганжа Николаем. Они же и пожарники. Немцы есть немцы, предприимчивость в любых условиях, несмотря на военное время завезли новое оборудование: локомотив, станки: то есть расширять производство и ассортимент новых товаров или продукции, что нашему довоенному заводу и не снилось. Цех Основной с Канатным имели общий двор или площадку, на обеденный перерыв собирались вместе поговорить, попить воды с бака, установленного посреди площади. Однажды и я воспользовался свободной кружкой, прикрепленной к баку, нацедил воды и пью. В это время подходит ко мне незнакомый парень, года на три старше, меня, и подбивает кружку, аж зубы застучали. Другой с обидой отошел бы в сторону, видя что обидчик не его весовой категории, только не я, "Блошко". С ходу прямым в скулу и "фитиль" на земле. И до и после убеждался, что во мне

“умер” боксер. Не знаю, кто и как, но фамилию мою узнали, и что ищет сам начальник охраны меня. Оказывается тот жлоб приходится Ганже /полицейскому/ племянником. Я ушел в сторону конторы, еще не зная как быть: бежать или идти в цех. Выхожу из-за угла конторы и прямо в руки Ганже и Віленко, начальника Основного цеха. Я, Блоха Иван Иванович, а зимой расстреляли партизана Блоху Ивана Сергеевича. Я об этой трагедии опишу позже. Так вот они приняли меня за сына партизана, все данные сходны. Привел в свой кабинет меня и начали избивать, приговаривая: “по батьковому пути идешь”, первоначально за волос и об стенку головой, потом бросил на цементный пол и сапогам под ребро, дух забило мне, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Кто передал в цех эту весть, но прибежало много людей, среди них и брат Здор И.Н. Говорят и до коменданта дошло. Короче он сдрейфил, когда молодежь начала дверь рвать, угрожая и обзывая его, и то как мог. Таким путем только и выручили меня. Я все же пригрозил ему уходя, но “отходил” он меня здорово. Лицо, голова, грудь, спина - все в кровоподтеках. На работу с неделю не ходил. Позже Беленко, как бы жалея, взял меня в Основной цех на подкачку воды в Локомобиль. И опекал, как мог. С Ганжой я так и не рассчитался, с немцами он убежал. От них он тоже драпанул, но остался жив. По рассказам, где-то на Кубани осел. На родине так ни разу и не появился. Много в войну было людей озлобленных на СССР, сама же советская власть в этом и виновата. Репрессировав ни в чем неповинных людей. В начале войны в каждом районе области создавались партизанские отряды. Был такой и в Васильковке: но где же тут партизанить без леса или других естественных укрытий. И где-то зимой, очень суровой 1941 г. их переловили по домам, кое-кто отстреливался. Противотанковые рвы занесены были снегом. На окраине Васильковки по дороге на Лубзавод и приготовили такую снежную яму для расстрела партизан. В выходной день на двух автомобилях, полураздетых, со связанными руками, мимо многолюдного базара, их и повезли на казнь. Подвезли к этой снежной могиле /можно себе представить какой была зима, если ров шесть метров запрессован полностью снегом/. И так 56 человек, среди них четыре женщины, через открытый задний борт по два-три человека выталкивали и подводили к окопу. Из пистолета и автомата пускали в “расход”. Жуткая картина, особенно женщины, кричали, упираясь такому жестокому исходу. Смерть смерти разница. Закончив казнь, забросав снегом, не забыв выставить часовых. Так они и охраняли несколько дней мертвецов. Не давая родным похоронить по человечески.

В февральскую большую оттепель 1942г. после двух месяцев, горы снега превратились в снежно-водяную кашу. На улицах можно было пройти только сапогах. В такое же состояние превратились и снежная могила партизан. И все этом "месиво" человеческих тел начало всплывать, а и весне относить течением по всему окопу в сторону реки. Когда вода совсем ушла, то останки присыпали обвалившейся землей. Но хоронить не дали. Мимо этой жути мы ходили на завод и днем и ночью. По освобождении райцентра торжественно похоронили в парке. На месте расстрела - обелиск. В этой братской могиле лежит и батя моего большого друга, моряка, штурмана дальнего плавания Сережи Магала, Магала Никифор. Когда фронт отошел до берегов Волги, восстановилось затишье, кажется и войны нет.

В семьях, где батяки были или молодые парни, стали жить неплохо, и свиней резали втихую, самогонование началось. И сегодня спустя полвека пьянка продолжается с еще большим размахом. Дурной пример заразителен. Женщины-солдатки бегали по "ворожкам", их много развелось, а желающих услышать полуправду, а то и вовсе легенду, было много. Жены, матери тех кто из плена не вернулся, или кто продолжал воевать на стороне советов /так называли СССР при немцах в народе/, а может и на "том свете". В то страшное время ворожки были очень полезны и нужны для поддержки морального духа страждущим. Их парод и создал, как религию и Бога, когда человек во что-то верит, даже не реальное, ему легче переносить душевные страдания. Факты говорят, что ни одна ворожка никому из посетительниц не сказала, что "твоего мужа или сына нет в живых", - то он похож в плену, или в госпитале. "Це моя думка, та воно мабуть так і буде". Оккупация продолжалась на Днепропетровщине, и в больших семьях без мужчины, жилось плохо как и в нашей семье. Летом хорошо фрукты, овощи, а зимой и топить в печке нечем. Ходили за бурьяном в степь или на поле за подсолнухом, кукурузой /бадылья/, а то и блиндажи разбирать. Зама 1941-42гг. - рекорд холода била, морозы 34-36°. Пошёл и я за бревном в сад Ворошилова километров три. Одежда на мне так себе, еле прикрыто тело. Выдолбили в подвале блиндажа бревно сосны, на плечо и в путь домой. Хоть и день зимний короткий, но на пустой желудок силы не те. Да еще тяжесть на плече большая. Вошим к заходу солнца добрались, не помню с кем из соседей.

Помню от жуткого мороза, для нашей местности, красное зарево на заходе солнца. Говорят, что у нас - добытчиков топлива, на тот час, лица были синие. Но зато бревно во дворе и тепло будет в хате. Снял правый сапог или чобот и почувствовал, что большой палец ноги не мой. Ночь не спал от дикой боли. На утро мой палец не узнать по размеру и цвету. Как гнилая картофелина синеватого оттенка. Будь мирное время, наверное, положили бы в больницу, а

может быть и отрезали. А тут зажило как на собаке. Дней пять провалялся, ноготь отвалился и какое-то время пришлось хромать, заготовливая дрова. Выручала белая акация, которой было много вдоль улицы. Срубил одну и на неделю топливо, горит как уголь. По вечерам играли в очко 21, на украинские червонцы и советские тридцатки красные. Комендантский час никто не отменял. По вечерам ходили с оглядкой.

Однажды осенью, Ближе к полуночи, человек восемь нас задержала полиция возле центра. Строем отвели в управление и после допроса, пригрозив плеткой, закрыли в камеру с разбитыми стеклами, от холода на полу, без нар, почти не спали. На утропустили, предупредив, следующий раз плетки и подвала жандармерии не миновать. В те годы были большие базары и кто нагребил в магазинах мелочей, ели лучше всех. Особенно в ходу были иголки и нитки. И кто ими торговал ходили как купцы. Часто немцы с полицией делали облавы. Иногда таким образом поставляли рабочей силой Германии. Работали кинотеатры, куда тоже могли нагрянуть с проверкой документов. В клубе Ворошилова, базировался и вроде нашего запасной полк немцев, где их формировали и отправляли на фронт. И взвод “вільних казаків” шли туда молодые парни, чтобы нас угнали в Германию. С приближением фронта переходили на сторону наших. Некоторые так и оставались на стороне фашистов. Командиром казаків был Лёнька Гаркуша, здоровый красивый, лет 22-х. До войны блатарем считался. Весь полк водили на стрельбище по нашей улице с песнями. В этом мероприятии казаки заглушали немцев. Пацаны разживались у немцев сигаретами, сахаринном или бензином. За выполненную работу по колке дров, доставке воды. За воровство могли расстрелять сходу. У кого в хате было по две комнаты останавливались квартировать. Кормили их неплохо, даже посылки получали из Германии. Передислокация войск проходила только на машинах, пешим путем не видел, чего не скажешь о нашей многострадальной пехоте.

Прорыв наших войск со стороны Лозовой в конце 1942г., не знаю номер какой армии на танках и “танкетках” теперешние бронетранспортеры, докатился и до нашего райцентра. Несколько машин с пехотой наверху наделали шороху в центре. Но погибли и сами. На Кучугурском кладбище выдолбили братскую могилу, куда их свезли на санях как дрова. Аккуратно уложили, покрыли сверху рогожей, без почестей, но по-людски похоронили человек шестнадцать. Власти разрешили это сделать нашим людям, в отличии от партизан.

В начале 1943 года, зимой произошло бегство из-под Донбасса “властей” чиновников, полицейев, запрудили улицы санками. А на утро и вся наша районная администрация убежала в сторону Днепра. Несколько дней опять

было безвластие. Потом вернулись назад, но подобрели в отношениях с цивільними. Наверное, поняли, что конец их германской власти придет. В сентябре месяце 1943г. со стороны Павлограда и Донбаса драпанули немецкие войска. Все улицы Васильковки забиты были их техникой на колесах и гусеницах. С наступлением ночи подожгли Лубзавод, оборудование взорвали. Горели десятки скирд конопли, зарево стояло на всю округу. Жуткое зрелище, а на душе радостно - пришел конец оккупации. Отступили немцы без боя, а когда наши войска зашли в поселок, то по нам начала обстрел их дальнобойная артиллерия. У тяжелого снаряда при полете какой-то шипяще-чавкающий звук. Ночью начался обстрел минометами. В основном пострадало от немецкой артиллерии мирное население. Наступил день, все люди попрятались по погребах, окопах. Наша семья спряталась у Коваленко в погребе. Услышали мы гул немецких Хёнкель, их легких бомбардиров. Вылезли мы с Митькой Коваленко. Начали считать в небе идущие в боевом порядке самолеты. Больше десятка посчитали, а когда посыпались с жутким воем бомбы, мы спешно заскочили в подвал. Земля ходуном под нами, задрожало, заплесало в сочетании с женским криком и плачущими детьми. А мы, уже подростки, на них цыкали и успокаивали, как настоящие мужчины. Начало стихать, выбежали все наверх и чухнули с поселка. Все в дыму и пыли, на зубах песок и привкус гари. За Васильковкой сколько глаз хватает для обзора бежавшие в степь люди. Наши солдаты в основном окопавшись на подступах, как бы предвидя бомбежку. Кто и как нами руководил не помню, с малыми детьми на руках поразбежались большинство мирян по хуторах. Наша семья оказалась в Гришayah. Превратность судьбы, иначе не скажешь, в Гришayah, теперь уже село, после войны, и до ныне, почти 50 лет будет жить и здравствовать наш батько, но без нас. Через день мы возвратились в наш город. Никуда не бегал, да и не мог. Кое-кого пограбили в отсутствии жителей, кого - убило бомбой. А семью Осняч, в их окно влетела мина, каким путем, или траекторией, но случилось, что должно случится. Убило дочь Азу, жену, бабу, а Павло - муж, только вышел из помещения на порог и остался невредим. Жизнь, как сказка, не всегда как в сказке с хорошим концом. Большинству людей радость освобождение принесло, кому горе утрат. Заработали полевые военкоматы, объявив всеобщую мобилизацию мужчин от 17 до 45-50 лет. Даже больных и слабоумных забирали, как Ваня Четвертак, 1924 года, болел ногами постоянно и летом ходил в валенках, редко и со двора выглядывал. Взяли с концами. Гриша Жолоб, Ваня Литвин, Ваня Малышко, Гриша Бобак - все это семнадцатилетние, и только ближние соседи, погибшие в мясорубке

называемой "штурмом овладели - таким-то городом". А генералам за такой "подвиг" награда, который по счету орден.

После оккупации призывников с презрением называли чернорубашечники. Еще не переодевши в солдатское обмундирование их большинство, не обученных направляли на передок. Да много было среди них и бывших дезертиров, но половина юношей, бывших в начале войны детьми, какая же вина этих "чернорубашечников". Мой двоюродный брат Ваня Донец, здоровяк, статный, красивый в 1941г. Его восемнадцатилетним не призвали из-за бельма на глазу. А в 1943 с ходу, не переодевшегося и не обученного под Запорожье. Сколько же их полегло наших под этим городом, всё штурмом "брали" по приказу генерала Лелюшенко, любимца Сталина. И взяли, но какой ценой. А на подступах к Запорожью, сколько братских могил?

А Москва за очередную мясорубку отсалютовала, из сотни орудий, зрелище красивое конечно, а для генералиссимуса Сталина очередной виток славословий в его честь, за мудрую стратегию. Благо в такой огромной стране было чем пополнить запасы пушечного мяса. А брат Ваня Донец в тяжелом бою остался жив. Прошло несколько дней и кем-то передали тётё Леся, его маме, что Ваня тяжело ранен под Запорожьем. И она не раздумывая, пешим ходом километров шестьдесят, отправилась шукать. Нашла то село "заваленное" ранеными лежащими не только в хатах, но и в сараях. Между безнадежными был и Ваня. И тётя Леся, как санитарка, не отходя сутками от этих страдальцев, стала ухаживать за всеми. Потому что "воевавшие" в тылу "сестры и санитарки" каждый вечер отправлялись на гульки, бросая на произвол, теперь уже мало кому нужных солдат. Ваня ранен в грудь снайпером, может поэтому, я невзлюбил их, ни противника, ни своих снайперов. Как-то не честно получается исподтишка, а не в открытом бою. Об этом бое Ваня, рассказал так - отгрохотал бой, окоп завален нашими трупами и немцы есть, наступила тишина, я возьми выгляни и мгновенно страшный удар разрывной пули в грудь. Сам он понимал, что ему не выжить. Так он и поведал, проклинал свой поступок и свою судьбу. Вскоре он умер. Тетя Леся пришла пешком домой, взяла подводу и с Булавой Иваном поехали в Запорожье / область/. По ее просьбе Ваню не хоронили там и привезла домой. Сколько же таких цветущих молодцов отправили на тот свет ефрейтор Гитлер и семинарист Йоська.

После Запорожья, под Кривым Рогом еще много пролито крови.

Днепропетровск по сравнению с этими городами, намного благополучнее обошлось освободить.

Васильковка осталась в тылу и тут был открыт эвакуогоспиталь. А мы, 27-28 годы, как допризывники и призывники начали строительство аэродрома за молокозаводом против Ульяновки, на станцию подвозили пульманами шлак угольный, мы грузили и разгружали машины. Все это спланировали не толстым слоем на взлетной полосе. Осенняя и весенняя грязь не будет препятствовать посадке и взлету самолетов. Несколько ангаров вырыли, цистерны под топливо. Какой-то шальной немец, один раз бросил бомбы невпопад. Вскоре перелетел и полк "пешек" Петляковы, назначение его как фотографирование, разведывательный и один полк американских Бостонов, похожих на кашалотов. Те базировались недалеко за Лосивкой без взлетной с покрытием. Летчики и технари расселялись по квартирам, был постоялец и у нас Коля Солодко из Кубани. Спирт носили при себе во фляжках, чистый без примеси, предназначен для стеклоомывателя. Первый раз и я напился. Вечером водил их в наш кинотеатр, еще был такой москвич - Коля Хухрин. Вот эту пару я и опекал. Одели меня как вояку, а в войну все так одевались гражданские. Больше не в чем было ходить, посмотришь кругом одни "солдаты".

Каждый вечер в фойе кинотеатра танцы под баян, чаще аккордеон - вальсы, фокстрот, танго, других не знали. Прилетали пилоты с задания, шли в столовую специальную, по тому времени кормили их хорошо. Все это происходило зимой 1943г. и 1944г., где-то с полгода базировались. Весна 1944г. выдалась холодной и лето сырое. Начали косить хлеба косилками, мы, юноши, вместо мужчин пришлось идти в колхоз. Вся тяжелая работа на нас и женщинах. Вот кто снабжал фронт продуктами, хоть под конец жизни нас приравнивали к участникам войны. Потом на полutorке работали грузчиками, зерно возили на элеватор. Мешки весом за семьдесят кг вверх по доске несешь и высыпаешь на кучу под потолок амбара. Забежал немного вперед.

В 1944г. весной пошел в тракторную бригаду прицепщиком, теперь такой профессии нет. Ну вроде помощника тракториста. Одежда вся в мазуте и пыли, работали по суткам. Жили в вагончике, кормили хорошо. Потом возил воду к тракторам и горючее. Воду ведрами с колодца тягал за день сотни зальешь, одежда постоянно мокрая. Фурункулы или чиряки по-народному мучили людей, особенно кто на тракторе работал. У меня на затылке десятки их, один на другом слипались. Чуть дотронешься, боль страшная и на спине и на бедре могла оказаться, эта гадость. По два, по пять, или один с абрикос величиной и так до 1948г. этой гадости не мог избавиться. И уже на флоте пошел а госпиталь и сам попросил взять кровь с руки и перелить в бедро. Мне говорят, - не всем помогает. Ну я настоял и был прав. С тех пор вот уже сорок с

лишним лет не стало этой гадости. Было это в Латвии, порт Либава /Лиепая/. В народе говорили - заражена кровь. А вот в настоящее время такой болезни не замечаю на людях. Может от условий работы, жизни, все было непосильно, для растущего организма. Молодежь моих лет выросла низкорослая. Война четыре года, потом сорок шестого, чуть ли не десятилетия организм не получал даже минимального количества белка, жиров, сахара. Один инженер, не врач, проделал такой эксперимент. Взял из разных военкоматов данные на 1000 чел. Призывников призыва 1948 года /этой мой/ и 1968 года. Так вот последние на восемь сантиметров выше ростом. Опять, я опередил события, отвлекся от главного.

Потом опять сел на трактор прицепец. А что такое в те времена трактор. Кабины не было. Пыль столбом вся на тебя, дождь, холод - гоже твои. Заводилась эта техника только ручкой, кривым стартером. Очень часто "стучали" моторы. Снимаешь поддон картера, прямо в пахоте, добираешься до вкладышей. Бригадир везет в МТС их, потом привозит, начинаем шабрить лишний бабит. Дома по месяцу не бывал. И тысячную долю не вспомнишь жизненных передрыг тех лет.

Опять пропустил некоторые эпизоды чисто связанные с войной. Группу из тридцати человек 1927-28 гг. рождения веной 1944 года через военкомат призвали, мы уже были на учете там, как допризывники и призывники. Ознакомили поверхностно, что и как делать, дали двух саперов и вперед по местам, подсказанных людьми, обезвреживать мины, снаряды, брошенные или неразорвавшиеся бомбы. Не помню сколько дней эта работа длилась, но взрывы гремели часто. Своего рода война в тылу. Не обошлось и без жертв, четыре или пять человек погибло, но не в моей группе. На этот раз мне повезло. Не совсем тщательно, но район от взрывоопасных веществ очистили. Часто дежурить приходилось в военкомате, разносить повестки. Осенью 1944г. ездил за группой или командой в Просяную за 40 км., привез поездом призывников 1927г. для отправки на службу. Очень часто ездили в Днепропетровск за продуктами для военкомата. Весной 1945г. берут в кузницу двух учеников и я с Павлом Жигайом соглашаемся. Плотниками или столярами идут учиться брат Николай Донец и Оплята Николай. Все это находилось в одном длинном помещении с одной стороны кузница четыре горна, с другой половины столярка. Ради еды приходилось идти на любую работу.

Дутье в горнах приводится мускульной силой. Сейчас это делают моторы. У каждого кузнеца по два молотобойца - обычно здоровяки. Ну а нам с Павкой только семнадцатый пошел, он плотнее меня и на вид здоровее. Ну а у улицы свои мерки, тут я сильнее и жилистей. Так оно показало и с большим молотом.

Я был выносливый и почти не потел. На Павла мастер часто кричал, а мой Селиванов только улыбался и подмигивал мне. Работа в кузне считалась очень тяжелой. Молотом намахался, хочется передохнуть, ан нет, треба брать ручку меха и вверх, вниз с хорошим усилием, чтобы больше воздуха дуло в горн и ярче горел кузнечный уголь. А в нем заготовка на болт или зубило, а если это ось для воза толщиной с руку. Сколько нужно помахать у меха, чтобы толстый металл стал не красный, а белоснежный. А только в таком раскаленном состоянии мастер клал его на наковальню. Бросаю "дуть", хватаю молот и с еще Большим усилием катаем заготовку оси. И сорокаградусная жара от горна в помещении, плюс дым, копоть и запах горячего железа окалины. Кое-чему учили нас, как из прута железа сделать болт, нарезать резьбу. Как сделать гайку, как сделать закалку железа или стали, сварить две детали. Сварочный аппарат был только у мастерских больших. На этой работе мы встретили и день Победы. Возвращались из Германии демобилизованные наши воины. Еще до конца войны многие получали посылки и прилично оделись. Кому как везло, в каких войсках служили, в каком звании. Чем выше звание, тем больше мог выслать на родину барахла. А когда пошли составы с воинами, тут кто с одним, кто с пятью чемоданами и на крышах вагонов места не было от барахла: велосипеды, швейные машинки, столярные инструменты, а кто и по десятку часов. Возвращались из Германии угнанные девушки, были среди них и разодетые в коротких юбках. В центре много молодежи гуляло, особенно вечером в парке не пройти. Пошла игра в кармы, драки костылями, торговля немецким барахлом, пьянки инвалидов молодых. В одних семьях радость с приходом отца, в других - плач, что не вернулся отец или сын и зависть к тем счастливым. Наш вернулся только к осени с небольшими подарками, а на второй день пришли в гости те, кто ехал в одном вагоне. Батько был там старший вагона. С гостей был и батько Жени Перетяки. Посидели, добре выпили, на том и кончилась их компания. Многие вместо работы занялись спекуляцией. Возили на Західну Украину соль, оттуда продукты. Другие с Бердянска рыбу с тюлькой. Кто чем промышлял, а кто и воровством. Отвыкли за войну от работы и не спешили нас сменить. Дня через два отец взял где-то пару лошадей хороших и бричку. Поехали в его бывший колхоз за помощью. Там нас приняли хорошо и снабдили зерном, мукой и еще чем-то. Возвращаемся назад, не доезжая Васильковки нас обогнал автомобиль Эмка и остановился. Оттуда помахали, батько пошел к ним, поговорили с минуту и он крикнул, что дня через два приеду. Вот сколько мы побыли с ним, еще не привыкли, а тут и отвыкать пришлось. Так мы и воспитывались почти сами по себе. Избрали его, а вернее назначил Райком партии, его головой колхоза в Доброволье за 13 им от нашего

райцентра. Я продолжал работать с молотом, а в начале 1946г. мы с Павлом, как "специалисты" поступили уже на заводик им. Красина, еще дореволюционный, который изготавливал возы и ширпотреб, ведра, напильники, сверла, столярные инструменты и прочее. Находился он самом центре Васильковки. Опять нам дали место у горна, делать заготовки для сверл. Тут уже дутье меха было электровентилятором. Кругом нас ассы кузнечного дела и большинство бывших воинов - слесарями. В цеху над нами посмеивались, и когда от нашей наковальни зубило летело под потолок. То крик и смех усиливался, -берегись мастера: Блоха и Жигай приступили к работе. Весело было, но и голодно, 1946г. Летом заболела мама, как дугой ее согнуло, что-то со спиной. Отвезли в Днепро, лечили долго, по выходным я ездил проведывать. А она мне порции хлеба собирала, за дней несколько с пол кошелки вез домой. Электричек тогда не было, все на паровозной тяге. Поезд рабочий ходил один раз утром и поздно вечером назад. И зачастую такие как я, пользовались товарными порожняками. Редко какой товарный поезд пройдет через Васильковку, чтобы не сорвали стоп-кран. Так было и на этот раз со мной. На товарных вагонах стоп-кран находился между вагонами или платформами на месте сцепки. Сорви кран и пока добрался с кошелкой со ступенек платформы, за это время машинист откачал воздух и поезд набрал ход, на большой скорости его сходу не остановишь полностью. Пришлось прыгать на приличной скорости, а железнодорожная насыпь перед Гавриковым мостом высокая, кувыркаться пришлось до самого низу насыпи, по закопченной щебенке. Половина порций хлеба рассыпались по траве и камнях. Кое-как собрал, этот "скарб", вымазанный угольной пылью и сам, как шахтер, чумазый со свежими синяками, прихрамывая, пошел домой. Почти впроголодь жилось, а работа нелегкая в кузнице была. Придешь выморенный, грязный, а тут оказывается и кушать нечего. Дина загулялась на улице, совсем забыла сварить какой-нибудь бурды. Крича со злостью, гоняюсь за ней по двору. И так частенько случалось мне, по своей глупости, срывать злобу на Дине. В ту пору она была еще подросток.

Пропустил я еще один немаловажный момент своей жизни. Имею ввиду - лето 1944г.

В то время многие, а я особенно, "заболел" романтикой моря. Сделали наколки на руках, обсудили что и как. Два парня из центра Токарь Толька, Ленька Коваленко и я решили ехать в Херсон в школу юнгов или мореходку. В войну езда на пассажирских была только по разрешению военкомата. Выдавалось командировочное или справка, по этим бумагам разрешалось купить билет на поезд. Толька и Ленька через брата, врача Сазонова Ивана все

это дело “обтяпали”, а кто же мне? Да и откуда денег найти туда и обратно, если не поступим. За что-то торговали на базаре, но считанные рубли появились и у меня. Приехали в Днепропетровск, добрались до Лоцманки, теперь Южный Днепропетровск. Мои друзья взяли билеты на поезд Днепро-Херсон /далее поезд не ходил, как сейчас до Одессы/. Зашли в вагон, как порядочные джентльмены, а я прогуливаюсь по перрону, жду отправления и пока чуть стемнеет, чтобы по лестнице /были такие приварены на каждый вагон/ забраться на крышу. Перед самым отправлением, удалось это мне, а там таких как я, больше чем в вагоне “пассажиров”. В основном босяки, малолетки. На старых вагонах были душники, как грибы в ряд по всей крыше стояли. Держась за него можно и подремать на ходу, хоть это и опасно. Однако и бегали по крыше, только не перед железнодорожным мостом. Был случай, наш Васильковский хлопец ехал в Западную Украину, перед каким-то мостом поднялся на ноги и вдребезги разбился. А милиция дорожная залают на тендер и углем бросает по крыше, но бесполезно, никто не покидает “плацкарт”.

Сразу за Лоцманкой туннель длинный и кочегар в момент забрасывает угля в топку побольше специально, с трубы “шапка” дыму валит по всему составу и крыша вагона с ходу опустела, все столпились на переходе между вагонами. Можно и в тамбуре посидеть на полу до узловой станции. А на больших станциях Толька и Ленька прохаживались по перрону, ищут меня. Добрались таки до Херсона.

Вокзал там в степи, это сейчас город разросся, а тогда вокруг вокзала, как сейчас такси, стояли одноконные фаэтоны. Или пешком километра три, другого транспорта в военное время не было. Пешком добрались до центра на Суворовскую, нашли школу Юнгов. Набор уже состоялся. Первую ночь переночевал на кладбище, а на второй день отыскиали их тетку Лёньки и Тольки. На третий день пошли в мореходку, тоже не вышло.

Наш год 1928 на следующий 1945г. уже был призывной. На войну брали с семнадцати. Не будь конец войны весной, к осени наш год бы “забрили”. Как же добираться домой. К тому времени ни копейки в кармане. Перед отправлением Днепропетровского поезда подошли к машинисту паровоза и договорились, что будем кочегарить всю дорогу. Вернее доставлять или подбрасывать уголь к топке, а дальше уже кочегар. Под конец дороги мы и в топку бросали уголь. Не спавши, грязные прибыли в родной Днепро. Что удивило в Херсоне, в те времена был тихий и красивый город, рыбы на базаре какой хочешь, а в ларьках рыбного балыка сколько хочешь. Запомнилось спустя 50 лет. После нас вторая партия романтиков отправилась в Херсон, но

уже 1929г., те поступили, среди них и мой друг Сергей Магала, после стал штурманом дальнего плавания. Но в Херсон, я еще поеду спустя четыре года. Возвращаюсь в 1946г. Лето рекордное по температуре за все время наблюдений +41°. Максимум в июле месяце в Днепропетровске. А в общем засуха, и полуголодное существования. Подлечили маму, вернулась домой, легче стало по хозяйству дома управляться. Прошло знойное лето, осень, все, что собрали колхозы, опять под метелку в закрома государства. С наступлением зимы в Васильковке началась голодовка. Очередной раз под "мудрым" руководством коммунистов во главе с кормчим Иосифом Сталиным. Люди, пережившие страшную войну, отвоевавшись, начали умирать с голоду, особенно крупного телосложения мужчины. Умер и мой тракторист, у которого я работал на прицепке - Федор Марегга, весельчак, шутник. С тех пор я возненавидел СССР за безграничную власть "вождей" и наплевательское отношение к людям своим. Лицемерие во внешней политике и терроризм. Можно было избежать этой голодовки в мирное время, не блокадный же Ленинград, что нельзя было подвезти, взаимы. Разъезжались люди, спасаясь от голода, кто мог, конечно, в Західну Україну, в Прибалтику, а с кучей детей куда? Недалеко от нас, на другой улице -многодетная семья Демченко. Мать отдала последнее что было кушать самому меньшему, сама куда-то ушла, а постарше Лёнька взял ножницы и порезал малого насмерть. Арестовали Лёньку и он умер в КПЗ. В основном голодали малые города и райцентры. В небольших селах, хуторах было легче за счет собственных хозяйств и больших огородов, какой-то запас был. Нас батько забрал к себе в Доброволье. Все мне казалось непривычно, смогу ли я жить этом захолустье? Неделями не выходил с хаты, любовь к чтению спасала. Подвезет на санях Лобко, знакомый батька по молодости, тоже Васильковский, я беру топор и едим с ним на полигон в посадку рубить акации. Уложим сани с верхом и домой в новую хату. За день наколю целую гору, запас сделал. Хата стояла при дороге открытая всем ветрам и проходим, ни кола ни двора. Так что многие хуторяне меня видели. По натуре я стеснительный, особенно на новом месте и не спешил знакомиться. А пока было теплее, то жил в Васильковке у Жмуркив. Мама еды наложит хоть какой-то и пешком через полигон. И родичам хорошо и мне. В центре никто и не знал, что я уже не туташний... После выходных я через полигон и в Доброволье. Месяцев несколько так курсировал. Одевался хорошо по тому времени. Батько материал на сапоги хромовые привез, пошил дядько Кадыло, мастер этого ремесла. Остальное было американское. В 1940 или 1945 гг. США целые пароходы присылали подарков одежи. На область, на район и ниже. Молодцы, здорово помогли. Принес и мне батько осеннее пальто, черное, из тонкого драпа и костюм флотского офицера. Тоже черный с

блестящей шерсти, пуговицы с выпуклым орлом, в когтях якорь, тоже блестящие и не тускнели, как наши из бронзы. Шарф и модная кепочка. Рубашка на молнии синяя, в общем шик-модерн, для райцентра, да и в Днепро по моде было. А для колгоспу "Нове життя", так ті дивились, як на горожанина. А для них в то время Васильковка, так и котировалась. Познакомился сначала с Андреем Цегельником, старшим, потом и двумя младшими.

Начал выходить и на ихнюю улицу. Надоест, опять пешком на Васильковку. А там ближе к весне больше и голоду. На базаре голодные отчаявшись хватают в открытую горшок сметаны и бежать или буряк, кое-кто с опухшим лицом, синим и взглядом зверя. В Васильковке действовало несколько организованных вооруженных банд, даже автоматы имели. Грабили тех, у кого что-то было или из продуктов или барахла, привезенного из Германии. Одного полковника родителей, магазины, базу. По ночам доставали и до дальних хуторов. Случались и убийства. Один Гацько вырезал две семьи на Кучугурах, семью главаря, своего сообщника или подельника и на Ульяновке двух сестер. Ходил с чемоданчиком спортивным, рослый красавец в тельняшке, в черном пальто, румяный не по-голодному году. Ехал как-то я с ним из Днепра, всю дорогу, я что-то болтал. Я спросил, а где вы работаете, он что-то промямлил, невразумительно. Принял он меня за другого Блоху. Были на нем убийства в Ростове и еще где-то. Раскрыл его военный, капитан был такой - Шерлок Холмс и в Васильковке. Много и сложных дел раскрыл. Часто переодевался в женское, так он и Гацька ночью под железнодорожной насыпью поджидал. Зная что он там будет, хотя жил Гацько в начале Кучугур. И взял сам, ранив его в ногу. Девять убийств за этим бандитом, дали 25 лет. Перед этим годом Калинин отменил смертную.

Наступил 1947 год. Голод достиг своего апогея. Наша семья обживает в Доброволье. В марте месяце иду работать в тракторную бригаду, рядом с нами поставили будку, варят обед хороший, а мы занимаемся подготовкой к полевым работам. Пришла пора поле поехать и сеять, я прицепщик, но уже бывалый. Работаем по суткам, и так до самой зимы 1947-48 гг.

Летом приходилось грузчиком работать на студебекере. Автомашину давали на уборку шефы колхоза, теперь знаменитого Южмаша ракетного завода. В начале лета 1948г. достал свідоцтво за 7 класс при помощи батька и по ехал опять в Херсон. Поступил в Херсонский моррыбтехникум на ул.Кошевой спуск 13. После Херсона остановился в Васильковке, вышел в центр, тут в разговоре узнаю, что друзья мои едут в Покровскую школу механизации на курсы шоферов. По надо справку из МТС. Сагитировали и меня. Пешим ходом иду в

Доброполье, перед этим сыграл матч: Васильковка-Синельниково. Батько едет на МТС, берег справку и я отправился в Покровку.

Хлопцы мои уже начали занятия, живут на территории училища у огородника на квартире. Переночевал я в школе под кустом рядом с ними, а утром пятым квартирантом поселился тоже у огородника. Занимаемся неделю, а в субботу голодные идем пешком до ст. Чаплино на рабочем поезде приезжаем до Васильковки. Ну они то уже на месте, а я опять пешком в Доброполье. Беру харчи на целую неделю и на Васильковку. Там если есть футбол отыграю и в половине двенадцатого ночи садимся на рабочий поезд и приезжаем в Чаплино в полночь и пешим ходом "сидорами" отправляемся в семнадцатикилометровый путь на Покровку. Я тогда узнал, как на ходу собственном можно спать. Идешь, спишь, споткнулся, проснулся. Под утро мы на квартире, чуть поспали и на занятия. Вот так мы и курсировали целое лето 1948г. Автобусных маршрутов тогда и в помине не было. Спустя некоторое время и Васильковка заимела автошколу. Училось весело, хоть и голодно. Огородник жил богато, по тому времени. Много было у него солений всяких в погребе. Иногда и мы туда "заглядывали".

Приходит из Херсона однажды депеша, вызов на мое имя. Прибыть такого - то в группу судомехаников, начало снятий такого-то. После этого еще письмо пришло, приезжай Ваня, от секретаря приемной комиссии. Не так друзья повлияли на меня, как фамилия моя. Вызывают на фамилию Блоха, все смеются, я не нахожу себе места. Другому бы до лампочки, но не мне. Вот так можно изменить собственным способом свою автобиографию, а с ней и благополучие жизни в целом. Позже этот техникум стал средней мореходкой. Кадры ее, я встретил плавая на китобойной флотилии "Слава". Осенью сдал экзамены шофера III кл., удостоверения тогда не выдавали. Я начал стажироваться на "УралЗисе". Стажировка совпала со строительством дороги Симферополь-Москва. Октябрь 1948г. Участок трассы Васильковского района, село Лозоватка, километров 7, на восток от ст. Илларионово. Туда привезли эшелон пленных немцев, наши люди заняты были на земляных работах. Основной инструмент - лопата на своем "Зису". Мы возили районное начальство. Едем Лозоваткой, я в кузове стою, стажерка в верхнем кармане пиджака. Остановились возле конторы, я туда сюда, выдуло ветром мою стажерку. Побежал я дорогой искать. Метров триста от машины между травой зацепилась моя ксива. В октябре месяце приехал из Синельниково автоинспектор принял езду по Васильковке, мы "сбросились" по 75 крб., он поставил печать и мы поехали в Днепро за "правами". Получили синие кошлатые с картонки удостоверения шофера III кл. Пешком иду в Доброполье, получил права сколько радости! Прихожу в хату все рады. Снимаю пальто

умываюсь, покушал, ну показывай документ. Обшариваю все карманы нет удостоверения и все наши оторопели, а я еще больше. Одеваюсь и пешком через полигон глаза долу прямую дотемна на Васильковку. Нет их конечно и там, хотя родичам на показ доставал из кармана. Удручен еще больше, бреду в Доброполье. Прошло больше месяца, приезжает в отпуск из Москвы брат Ваня Здор. Пришел к нам в гости, сидим обедаем, я рассказываю, что перед автошколой поступил в Херсонский морской техникум. Иду к этажерке с книгами (так тогда хранили книги) тетрадь хочу найти, бумагу удостоверяющую учебное заведение в кое принят. О боже, глазам не верю, между книг лежат "права" шофера. Дина Ивановна, перед тем как, дать покушать убрала со стола и мои корочки, которые я выложил еще не раздевшись. Через них пожертвовал /частично конечно/ техникумом, я наказал сам себя. В Либаве /Латвия/ у меня их сперли из-за американского бумажника с красной кожи и никелированной окантовкой. Так и не начавшись, закончилась моя первая стезя шофера.

В конце ноября 1948 г. куда-то я уехал не надолго. И в это время доставили на дом повестку о призыве в Красную Армию в десантные войска. Приезжаю домой, мне мать показывает повестку, на которой указано число отправки и Днепро, три дня тому назад. И все в мою пользу складывается, мечтавшему о море и дерзавшему. Я узнал в военкомате, что остались две последних команды: авиация и флот. В этом учреждении меня знали как "облупленного", поскольку мы, Васильковские, призывники там дежурили сотни раз и ездили по командировкам. Еще пропустил один момент в своем литописе. После войны, зимой 1945г. при Васильковском ДОСААФ организовали кавалерийскую школу. Майор, начальник, ст. лейтенант Монастырский Иван Михайлович и старшина Акулов, чистокровный русак, с белым лицом как сметана. Два десятка лошадей всяких-таких, конюшня при ДОСААФ. И вот нас близ живущих зачислили в нее на месяц или два, не помню. Кормим, поим и дежуриим ночью возле лошадей. А днем занятия по вольтежировке езда без седла, потом на седле. Манеж находился возле старого базара. Тяжело давалось учение физически, я не знал, что лошади надо уделять больше заботы, чем себе. Утром чистить, уборку делать, кормить, поить, а потом занятия в седле. "Ножницы" это берешь за луку спереди седла, ноги из стремян и в раскачку или чтобы перекрестьем повернуться лицом к посту, как в цирке. Или пускаешь лошадь в галоп, правую ногу переносишь через шею коня к левой, двумя руками за луку подбираешь момент когда лошадь передними касается земли. Сам спрыгиваешь вровень ее передних, руками держишься за седло и тебя от толчка заносит опять на седло верхом. Ноги и

задница первое время сбиты чуть ли не до крови. Рубка лозы на ходу. Все эти приемы по-разному получались у каждого из нас. Так что смехотворных случаев много. Не помню сколько нас, мучили в этой школе, месяц, два, были даже показательные выступления. У меня, хорошо получалось спешивание на ходу.

Прекратила свое существование школа, наверное, дошло стратегам СССР, что саблей против танка воевать, что против ветра дуть. А ведь только прошла 4-х годовичная Отечественная. Ну, Ворошилов и Буденный то живы были в Кремле, по их инициативе и продолжался этот абсурд.

Возвращаюсь в 1948 год, декабрь, созывает батяню приличную пьянку в Доброполье. На утро следующего дня на санках везут меня в родную Васильковку. Проходим комиссию и ночью или вечером на губернию. Там комиссия ночью грузят в "телятник" в пассажирских тогда не возили.

И как заключенных на Харьков. Там формируют, прицепляют Астраханцев, Кубанцев и вперед на Балтику, она "ближе" Черного моря. Таков был порядок в империи СССР, ты не должен служить на своей этнической родине. А то не дай бог националистического переворота. Очень редко распределяли рядом с домом. Дней пять были в пути, наконец то вот Либава, военный городок где расположена ЭМШ Балтийского Флота. Еще времен Петра, красные казармы, за окном площадь метров сто, а за нею и канал, где стоят у пирсов эсминцы, подлодки, вспомогательные пароходы. На другой стороне канала судоремонтная верфь или завод. Ширина канала метров 200 по длине, с поворотом к выходу, через разводной мост на внутренний рейд обнесенный громадными камнями. Тут же на канале находилась наша шлюпочная база, де мы салаги учились ходить на вёслах и под парусами. А ночью охраняли ее, в то время в Латвии это было опасно.

В электромеханической школе готовили для флота таких специалистов: электрики, мотористы, котельный машинист и турбинисты. Тщательная медкомиссия, а перед ней экзамен по математике: задачи и письменная литература. По задаче я подглянул, а литература у меня лучше других. Где-то на хорошо в общем. Должен бы по оценкам в электрики, но тут медкомиссия застопорила с давлением не порядок. Контузия давала о себе знать. Всех уже переодели, разбили по специальностям, а нас человек 30 с эшелона держали обособленно, да еще переживанье, как же так: то о чем мечтал рядом и тут загвоздка. Опять нас на комиссию, потом в баню своё цивильное в сторону барахло, получай тельняшку. И нас последних определили несправедливо куда не добрали роту котельных машинистов, а на угле их называли кочегарами. Хотя механизмов сложных там больше чем в любой технической специальности. Месяц курс молодого матроса без ленточек ходим и строевой

подготовкой занимаемся. Гоняли ужасно, кормили плохо. Если удастся купить хлеб черный, то буханку можешь съесть сам с собачьим аппетитом. Пришла весна и борщ варили с крапивы. После месяца строевой, занятия по 10 часов по специальности 6 или 7 месяцев. Сдал экзамены по второму разряду.

1. Специальная подготовка - 5
2. Политическая - 5
3. Военно-морская - 4
4. Общевоинская - 4

15 июля 1949г.

Нашел свидетельство, по нему и списал. Сажает нас на тральщик, да еще была практика, тоже на тральщика шестьсоттоннике немецком. Ходили тралить мины, а их на Балтике в то время, как галушек в супе.

Сходу “оморячились”, да еще в таком сложном деле. И на твердом топливе. Слова из песни “сказал кочегар кочегару” испытаны на практике. К тяжелому труду мне не привыкать, не подвел ни разу вахту кочегаров. Морской болезнью не боюсь, что главное в жарких условиях и работе физической. Так вот летом грузимся после практики на знакомый тральщик и делаем переход с Либавы в Балтийск, бывший Пилау, восточная Пруссия. Главная база Балтийского флота. Есть тут так называемый “экипаж”, не путать с экипажами кораблей. Экипаж, где формируют или расписывают людей по кораблям. С учебных отрядов, училищ и с кораблей. Находится он рядом с городом в сотни метров, но окружен водой вроде острова крепости. Даже мост цепной есть, поднимается и опускается. Так вот небольшая гора посреди воды цилиндрической формы, двор и вокруг двухэтажные здания с фасадной стеной без крыши. Крышей служит земля с кустарником. Стены метровой толщины. Вот здесь мы месяц и жили с удовольствием. Раз в неделю построят с метлами и лопатами, скомандуют на плечо под музыку духового оркестра в город на уборку улиц возле штаба флота. Никакой дисциплины, как на курорте. В августе 1949 г. зачитали список, куда и я попал, с вещмешками пошли в порт. Погрузили на тральщик и в Польшу, порт Свинымюйце бывшая часть Германии. Выгрузились в полуэкипажах, сутки или двое побыли там. Подошли студебекеры, погрузились и на границу ГДР часть Германии. Паромом переправились через Одер в гор. Франкфурт на Одере. Сели на поезд до Штральзунда, пересадка на другой поезд и утром прибыли в порт Росток на севере Германии. Находится он на реке Варка в нескольких милях от Балтики. Где в устье Варны стоит большая судовой верфь Варнелионде. В Ростке находился судоремонтный завод, на котором ремонтировался лидер

“Проворный”. Это бывший немецкий эсминец. После учебного отряда мы как в рай попали. Кормили хорошо, или даже лучше. Кроме того, что на камбузе готовилось, на верхней палубе стояло всегда несколько открытых бочек с квашенной капустой и селедкой, а то с солеными лещами. Деликатесом были знаменитые Балтийские угри копченые. На той стороне реки роскошные сады. Поочередно ночью садились в шлюпку, пока руками отгребали от корабля на “безопасное” расстояние, чтобы дежурные корабля не видели и с мешками к немцам в сад.

Наполняли их яблоками и до шлюпки. Тихонько подходили до корабля опять, гребли не веслами, а руками. Все содержимое прятали, а на другой день вся машинкотельная команда объедалась яблоками. Офицеров тоже угощали, те помалкивали, ни о чем не спрашивая. На ремонте находились три или четыре корабля. В воскресенье вели за город в летний театр, и на стадион, где устраивали соревнования по перетягиванию каната и другим соревнованиям. Выдавали нам махорку в пачках, так вот, я наложу целое ведро пачек махорки, прикрою ветошью и в город продавать. Драй марка, цвай пакет. Вторгую и в магазин заводской, беру две, три бутылки шнапса и на коробку иду, вроде я выношу мусор. В месяц нам платили по сто с лишним марок. С этими грошами шли в город, пили крепкое пиво и покупали барахло. Отправил и я посылку с прекрасным шелком на платья сестрам. Ходили под парусом на шлюпках, в общем не жизнь, а “малина”. После нового года вышли на испытания, а после курс на СССР, порт приписки Лиепая, где в учебном учился. Кстати видел, как латышей отправляли в Сибирь в “телятниках”, кто не хотел вступать в колхоз. В Либаве жизнь пошла по другому сценарию и с иной кормежкой, хуже, конечно. Часто выходили в море на ученья. Осваивали сложную технику у немцев в котельной, все на автоматике. Куда там нашим эсминцам того времени.

В августе 1950 г. приехал в отпуск. Семья наша к этому времени вернулась домой распрощавшись с Доброполем. В том году август месяц выдался холодным, по вечерам, началось изменение климата. После отпуска приехал в Либаву, а корабль ушел в Балтийск. Пришлось на другом добираться до своего “Проворного”. 1951г., летом пришли или осень в Таллин на судоремонтный, где должны “Проворному” поставить успокоитель качки. Через пару недель меня с группой других списали с корабля. Поездом привезли в Питер “мечта балтийца”. После распределения попадаю на эсминец “Смелый”. Тридцатка БИС постройки Ждановского завода Ленинграда. Здесь условия хуже, чем на немецком и по работе и по быту. На нем попадаю в Балтийск на учения флота, целый месяц в море.

Вспомнил Балтийск, еще на "Проворного" ко мне приходил Николай Найденов. Принял я его хорошо с водкой и хорошей закуской. Служил он писарем в автозаводе, обслуживающим военно-морскую базу. Зимой 1951 г. на 1953г. пришли в Питер в феврале месяце или марте нас несколько человек уже старослужащих списывают на новостроящийся эсминец "Серьезный". Экипаж на нем подобрался со всех. Апрель 1952г. дают мне положенный отпуск. Садимся в поезд человек десять с корабля, пропьянствовали до полуночи, на утро Москва. В Москве тоже еще холодно, как раз день пасхи. Приезжаем почти через сутки в Днепро, а тут жара, пыль, деревья в цвету. Отгулял отпуск лучше, чем в первый раз.

Вернувшись в Питер участвовал со всем экипажем по спуску корабля со стапелей. Замполит разбил шампанское, мы крикнули "ура", все это происходило ночью и без света, поскольку наступила Белая ночь. С другим питерским Валентином Голиковым часто ходили к нему домой на Лермонтовский пр. Нашел в Питере и Сережу Магалу, моряка Балтийского пароходства. Да и с самим городом хорошо познакомился.

Осенью начались заводские испытания в море. Полный вперед, полный назад, 45° влево, наоборот 45° право на борт. Целую неделю вместе с заводскими рабочими стояли вахту возле котлов и турбин. Шли с испытаний, обогнали тральщик и наша кильватерная струя, как бы притянула небольшой корабль к себе. Свободные от вахты, в том числе и я, стояли на верхней палубе на корме, где находился наш кубрик. Смотрим прямо на нас наваливается носом тральщик, мы бежать за башню. И в этот момент тральщик форштевнем ударяет нас в правый фальшборт. На мостике заметили, но поздно. Таран состоялся, еще новое судно опять пришлось ремонтировать. А нам лишнюю неделю побыть в Питере. В декабре 1952 г. зима в Питере была суровой, теперь таких нет. В Финский залив проводил нас ледокол "Красин" дореволюционный. Торосы как на Северном Ледовитом по полтора метра. Пришли к месту службы в Таллин, в Купеческую гавань. Новый 1953г. я встретил на корабле. Командир по внутрикорабельной трансляции поздравил экипаж, да так и не закончил заздравную, поскольку был пьян. А команда тоже не "отстала".

На Балтике в то время было два флота: южный со штабом в Балтийске, по началу, я там был, и северный - со штабом в Таллине. Так вот наш "Серьезный" слыл здесь самым разгильдяйским. Здесь же в марте 5-го 1953г. мы выстроены на верхней палубе и слушали радио из Москвы, при похоронах тирана Иосифа Сталина. Говорят на гражданке плакали придурки, по-другому таких недалеких людей не назовешь. Из 250 чел. экипажа никто и слезинки не пустил. А мы стояли, во время метели, шептали друг другу "слава богу", туда

ему и дорога. Вышли в город а там светопреставление, все “кураты”, то есть эстонцы пьяные от радости за такого покойника. Возле пивных ларьков в барах “попойка” продолжалась дня три. Посидел я на Таллиннской гауптвахте: 15 суток. Оттуда водили на работу, по дороге забегу на корабль за селедкой. Весело было и там, ночью собирались в одной камере, где устраивали тюремные игры. Первого мая вышли втроем в увольнение, со мной двое, Толя Матяш и Сылко. Оба ростом под два метра. Зашли в бар да и засиделись, выпили грамм по триста и размусоливаем. Вдруг подъезжает машина патрулей, я как старослужащий, говорю Толе, - тебе на днях вроде отпуск положено, так что беги через черный ход, а мы отмажем патруль. Так и сделали, все получилось. Ну а мы с “Крохой” уже сидим в машине. Привозят нас в Вышгород. Это в центре столицы на горе - крепость из камня. Радянська влада в историческом месте устроила, что-то вроде тюрьмы. Камеры с цементным полом, здесь мы с Крохой и переночевали. На корабле нас ищут, нигде нет, куда не звонили только. Кто-то варнякал ночью, не давал спать, я поднялся, набил ему морду, наконец он успокоился. Смотрю два человека ходят моют камеры. Я быстро сориентировался, говорю Крохе, - так его называли за огромный рост, сам где-то с Донбасса, - “закатывай рукава выше локтей” - зачем говорит?, - быстро тебе говорят. Сам тоже самое сделал, - иди за мной и молчи. На входе сидит старшина за столом, у него в столе наши документы и ремни. Я говорю: “тов. старшина вес сделали, помыли камеры, можете посмотреть”. А их вряд с десятков, он заглянул в одну крайнюю. Возвращается за стол, выдает нам все, что изъято, денег мы то не отдали. Я посматриваю в коридор, вот-вот прейдут уборщики, закончат уборку. Попрощались мы, степенно вразвалочку до порога, а потом как “рванули” из крепости. Нашли рядом бар, похмелились коньяком, вышли на гору, сели на солнышке и любуемся своим кораблем, стоящим у стенки. Кроха мой доволен, - гы, гы, как ты хорошо обвел “сундука”. Подремали на солнышке и пошли на свою коробку. Являемся и тут у трапа старпом - герой Советского Союза. Где вы были, куда не звонили нигде нет. Вроде рад, что мы живы. В то время можно было в разряд, покойников попасть, как оккупанту. Зачастили к нам военные следователи на корабль, хоть весь экипаж отдавай под трибунал. Явился и контр-адмирал Гончар, я его помню по Либаве, где он командовал крейсером “Киров”. Человек тридцать вызвали, в том числе и меня. Назвал я себя, он в шутку говорит: “это как в песне - блоха, ха-ха”. Из тридцати человек одному мне сказал: “через месяц придешь доложить как служил”. Прошел месяц, иду к своему начальству, и говорю, так мол и так. Что им остается делать, отпускают. Адмирал держал свой флаг на крейсере “Жданов”. У трапа на крейсер офицер дежурит. Иди говорит адъютанту -

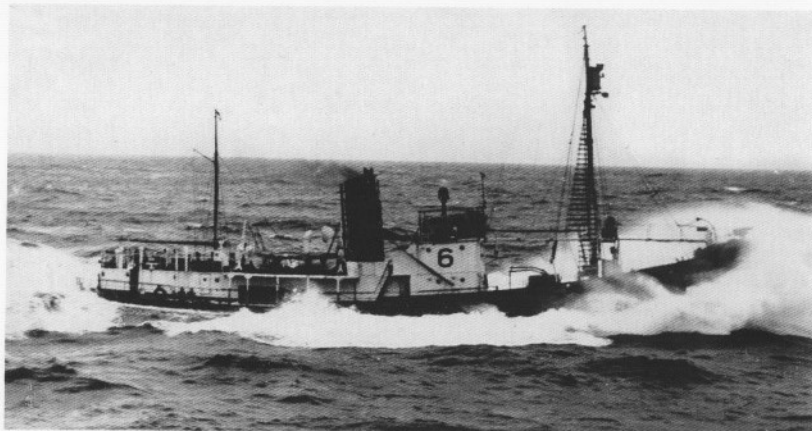
мичману, он живет в каюте номер такой-то. Пока нашел, я ту каюту, на таком огромном корабле. Идем с мичманом, приходим, тут уже ждут два начальника “высоких” интенданты. Зашел мичман к адмиралу, через минуту вышел. Интенданты сорвались чуть ни бегом, мичман говорит “нет, нет” и показывает на меня.

Зашел в каюту и бодро докладываю, такой-то служил хорошо, а он встречный вопрос - а как дальше будешь? В общем пару минут был у него. Какие претензии у тебя? Я отвечаю - положено штаны суконные, а интендант тянет. Пока я вернулся на свою коробку, а меня уже встречает ст. лейтенант, - что ты там нажаловался. Я говорю - ты выполняй то, что передали. Прибежал баталер - пошли, я выдам. В Питере вызывает меня КГБист. Как понимать вас, фамилия Блоха, а вы значитесь Блохин. Ну я ему, как мог объяснил. Так вот говорит - бери завтра увольнительную иди на проспект Стачек в райисполком, там ЗАГС, пиши заявление на изменение фамилии. Что я и сделал, взял фамилию Маевский. Был на “Проворном” Саша Маевский из Жмеринки. Сейчас вернее лет 25, как каюсь, можно было другую - чисто украинскую.

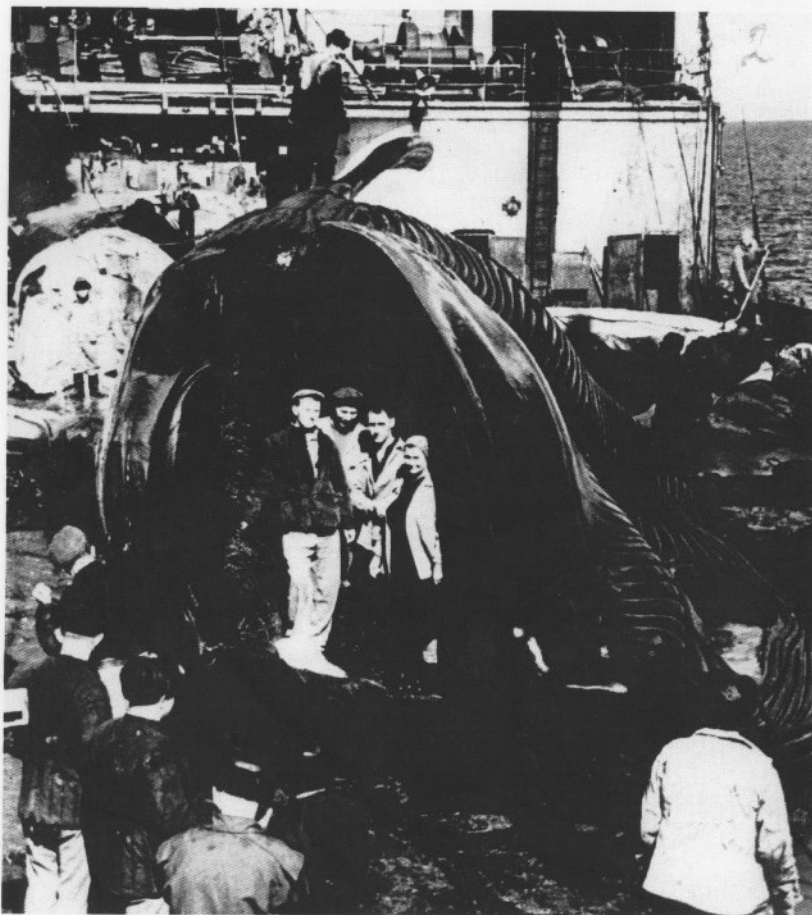
После первомайских праздников вышли в море на месяц, проводить все флотские учения. Па ночь возвращались на рейд в Палдиски, это в милях сорока от Таллина. Очень удобная бухта для внутреннего рейда. Я, как старослужащий, давно не бачкую на современных военных кораблях, есть столовые. А в мое время таковые отсутствовали из-за нехватки помещений и меньших по размеру кораблей. Поэтому кушали там где жили. Столы как и койки “рубилась”, то есть складывались и раскладывались во время еды или сна. По пять человек за столом, по шесть. Вот это называлось “бачек”.

Допустим, я сегодня бачковым, то должен раньше прийти в кубик и разобрать стол, закрепить его с полом петлей и крючком. Взять два бачка (алюминиевые с ручкой) под первое блюдо и второе, стать возле камбуза в очередь и дойдя до окна раздачи, назвать коку номер бачка, а он в своем талмуде смотрит сколько человек на данном бачке. Прейдя в кубрик, да перед этим в хлеборезке получить хлеб, расставить миски и чумичкой наливать содержимое, себе положено лучший кусок мяса. Потом сходить получить компот, разлить по кружкам. Ну так же в ужин и завтрак и вечерний чай. Так вот по пятому году службы люди бачка в шуточной форме “читали” приказ об освобождении такого то, от бачкования. Бачковый после еды помыл посуду, спрятал “срубил” стол, “банку” на чем сидеть, половине бачка, другая половина сидит на рундуках. В рундуках хранится все твоё имущество, у каждого свой. На каждом корабле свои порядки, отличающиеся от другого. По дисциплине традициям морским и своими командирами. Самыми калорийными фигурами были на “Проворном” Ярошевич, смесь украинской

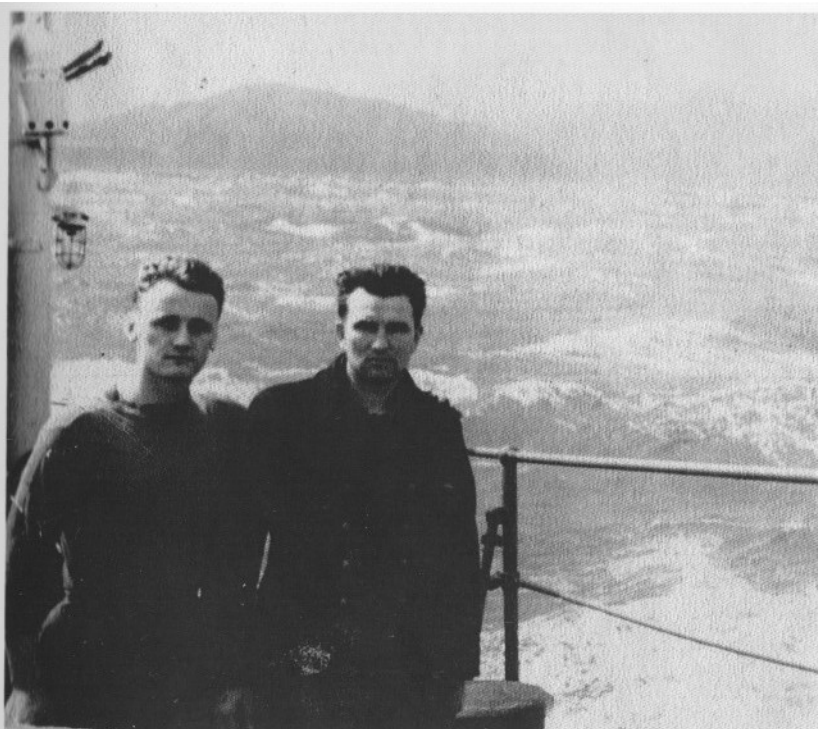
крови с азиатской, красавец, во время войны подводник. Старпом "Проворного" Яровенко вроде бы Николаевский. По приходу на Кронштадтский рейд, его назначили командиром с присвоением звания - капитан 1 ранга, а Ярошевич ушел командиром крейсера нового со званием "капитан 1 ранга. Яровенко хромал ногой и ходил с палкой, импозантная фигура, что ростом, что весом. Юморист и остролов, какие запоминаются на всю жизнь. Ну, например, идет корабельное собрание, он приводит такой пример, что вроде кто-то с таким аргументом просится в отпуск, - заболел брат деда, - пустите меня в отпуск, и таких примеров выдумки, красноречия на собрании, или приходя по верхней палубе. На мостике во время похода, где находятся сигнальщики, рядом с ним, которые и рассказывают про эти шутки. На "Серьезном" был алкаш Быханов, а на "Смелом" Егоров в последствии полный адмирал. Самой "демократичной" была команда "Серьезного". "Дедовщины" в мое время не было, хотя служили в два, три раза дольше. Просто почитали старослужащих. А сейчас в годы последней четверти века 20-го люди "измельчали". Корабельная служба не из легких. Особенно наша БЧ-5 машинно-котельная и тяжелая и опасная. Па немецком корабле давление в котлах 50 атм., на турбины идет перегретый пар до 300 градусов. Это уже газ получается во время работы лопались трубки в котле на ходу корабля. Все этом сопровождается таким грохотом, вроде рядом снаряд взорвался. А устранить поломку обязательно и немедленно при высоких температурах. Ну а про шумовые эффекты в машинно-котельных отделениях во время работы, я и не говорю. После вахты поднимаешься на палубу оглохший. Если говорить о военно-морской службе, то тут больше работы, чем службы. Есть и корабельная интеллигенция и не малая, физически ничего не делавшая. Немало есть людей военно-морского флота носящих форму морскую, для которых придумана украинская поговорка "Сім літ морячів, а море не бачив". В учебных отрядах на всевозможных складах, продуктовых базах, шофера и т.д. живут чисто солдатской жизнью, не имея флотской специальности, но форму морскую носят.

Китобоец на промысле. Антарктика, 1956 год.

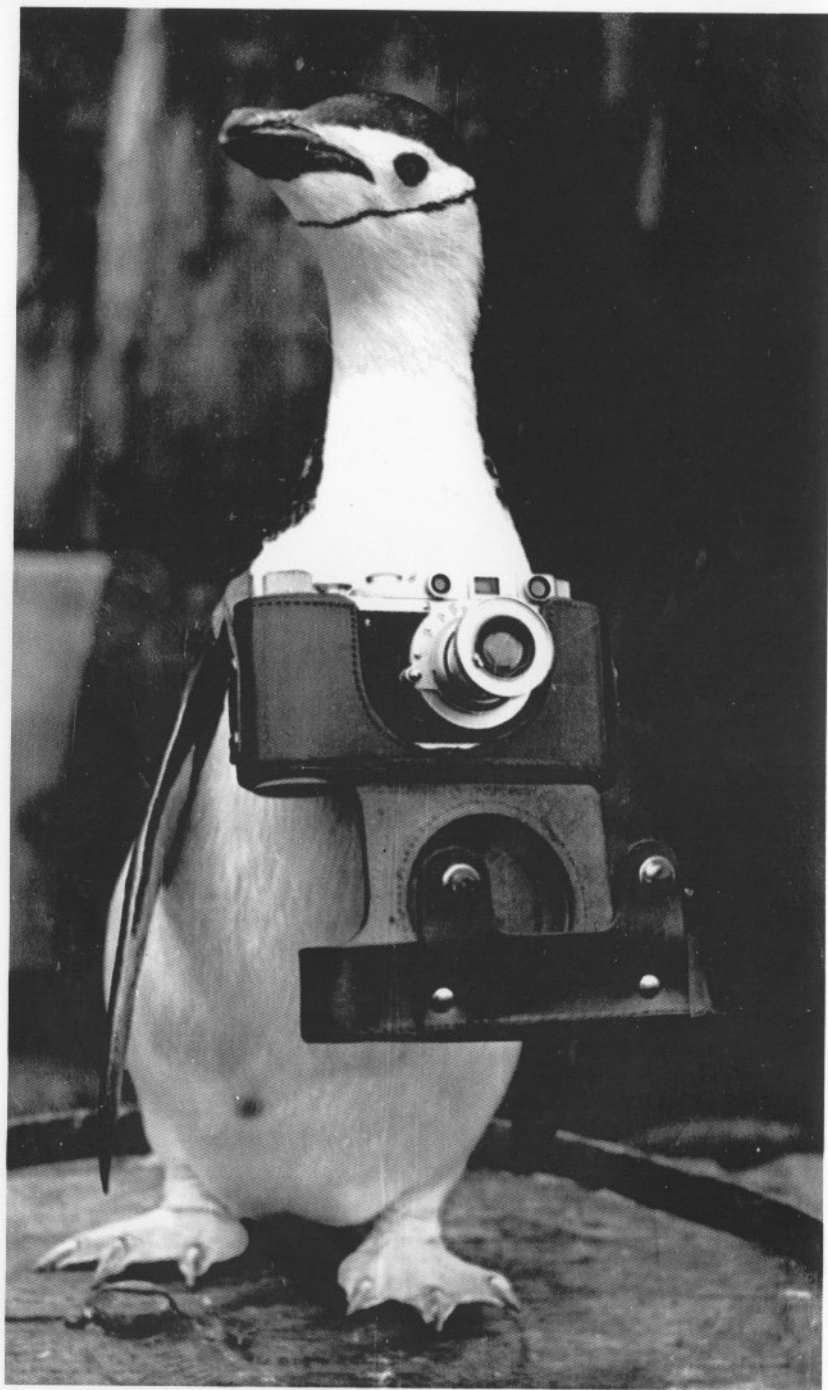
Разделка кита.

Бухта "Кука". Новая Зеландия.

Китобои отдыхают. Гагра, 1957 год.

Сын полка - пингвин Вася.

Стоим на рейде у берегов Новой Зеландии.

Атлантика. Альбатрос - размах крыльев 2,5 м.

Новый 1956 год.

Свадьба Саши и Гали, 1959 год.

Семья Карпунов и семья Маевских. 1959 год.

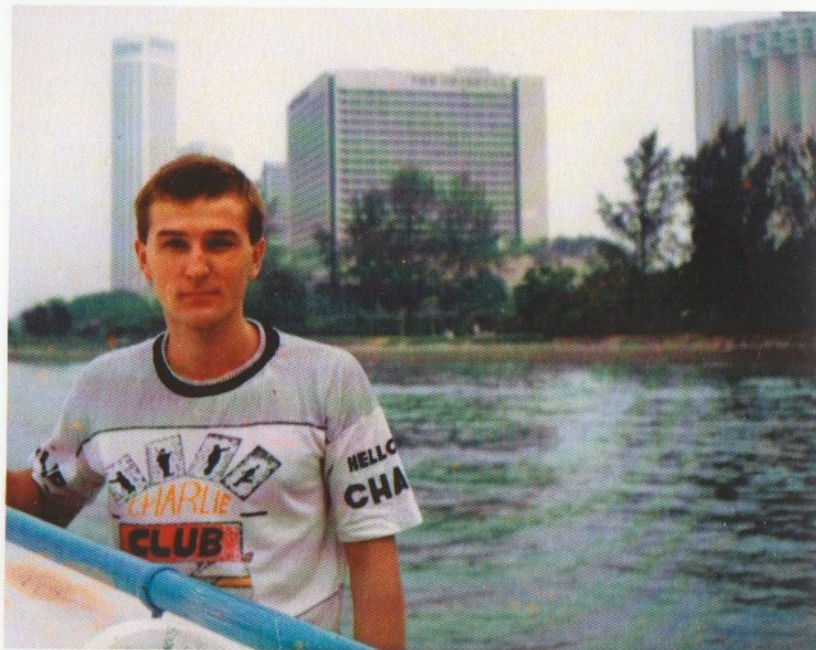
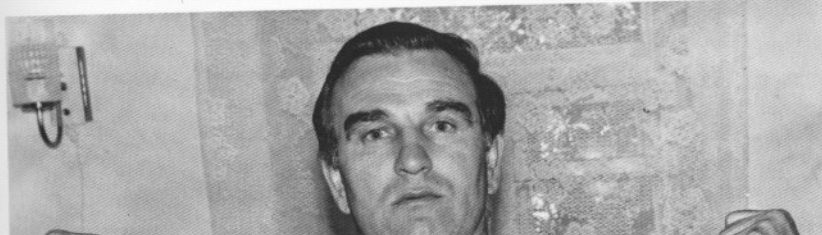
Сестра Тамара и Юрий Иванович г. Петропавловск-Камчатский.

Кривой Рог. Свадьба.

Кронштадтский десант.

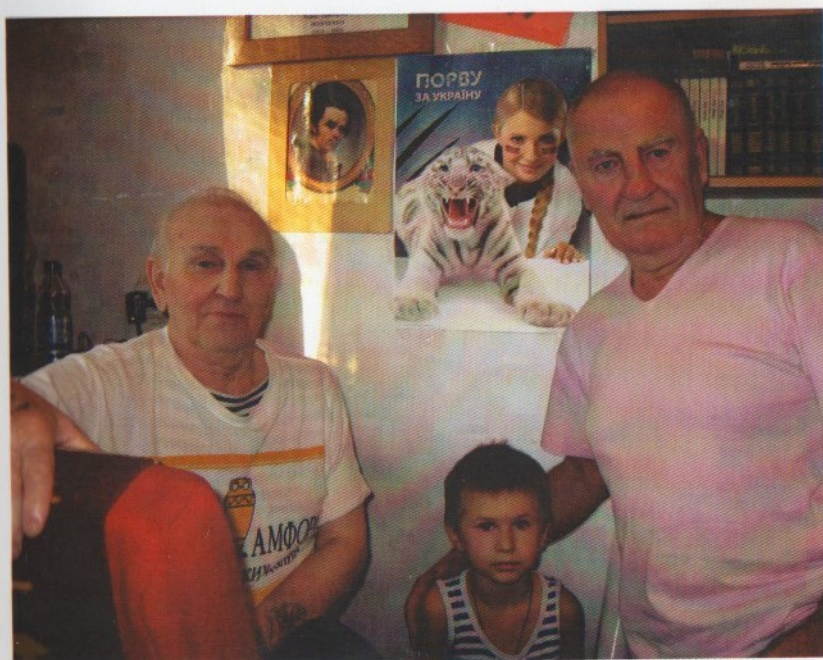
*Младший сын - Толя. Сингапур - 1990 год.
БМФ танкер "Ахтуба" реф. моторист.*

Любимый внук - Ванечка.

Два Ивана - оба выглядят "на пятерку".

По-старшинству:

Иван Иванович, Александр Иванович, Иван Анатольевич.

Наследный принц Иван и мама Рита.

Мы уже выросли.

По местам "боевой славы". Въезд в Васильковский район - 2005 год.

Блоха Иван Григорьевич. 100-летний юбилей. Во время празднования не удержался и пошел танцевать!

Наши люди из-за "Бугра". Марина. Катя, Сарко. Торонто, 2011.

Катя, Марина, Коля. Чикаго, 2010 год.

Однако вернуться в конец мая 1953 года.

Как я раньше писал, мои поездки в Херсон военных и после военных лет были связаны с мечтой о гражданском или торговом флоте, чтобы видеть мир обширнее, континенты и океаны. Промысловый флот тоже устраивал, он выходил в океанские просторы. Чуть раньше в корабельной библиотеке я взял книгу, автором которой был капитан директор Китобойной флотилии "Слава". Прочел и сагитировал еще одного служивого написать письмо в Одессу. Получили ответ в марте 1953 г. требуют выслать характеристики, заверенные и с двумя рекомендуемыми людьми. Так полагалось в Империи оформлять визы. И надо же в такой неподходящий момент, я только вышел с отсидки по "губе", а туда не попадают "отличники" политической благонадежности. Пошли мы к офицерам, а дудки, исправитесь, дадим. Ну думая на полдороге останавливаться не и моих правилах. Приду на гражданку буду дерзать, пока не осуществлю мечту. Пришли с моря в бухту Палдиски, на рейде бросили якорь. Недели две назад в Таллине меня вызвали в гор. ЗАГС, где вручили свидетельство об изменении фамилии. По-видимому Питерский ЗАГС, как-то связался, так как бланк отпечатан на двух языках. В общем пока мы морячили на ученьях, я ничего не предпринимал надеялся на новую фамилию. Как чувствовал демобилизацию.

Спасибо мудрому Маленкову, я подчеркиваю, это дело без иронии, умный был глава государства. Решением Совета Министров из флота начали демобилизовывать, в частности, с "Серьезного" 12 человек, в том числе и я, кая Блохин. Новая ксива в кармане. С утра быстренько собрали всех в кают компанию, командир зачитал приказ, пожелал как и годится. Вернулись в свой кубрик, выпили на прощанье. Подошел к борту буксир начали целоваться, до слёз дошло. Перепрыгнули на буксир, я оттуда кричу, - братцы, больше мы с вами в жизни никогда не увидимся, и я был прав. Одного Вальку Голикова через 20 лет нашёл в Питере. Сопровождал нас мичман, высадясь на берег в этом городке первым делом нашли кабак. Хорошо посидели, добре напоили "сундука". Откуда-то комендатура пронюхала, собралась арестовывать. Мы по совпадению нашли две грузовые машины, следовавших в Таллин и уехали благополучно по дороге забрали у мичмана свои документы. Что было вопреки уставу. Ночью приехали в Таллин, где формировались составы под демобилизованных. Питерцы зовут меня с собой, но я отказался. Да и не с чем, выдали нам считанные рубли. СССР рядовых воинов не жаловало субсидиями, как и рабочих. Составы конечно не пассажирские, а "телятники" соломой застланы, на вагоне крейдой написано Днепропетровский. Залез в него, улегся на соломе и уснул. Утром где-то в степи состав остановился, подвезли солдатские кухни, начали кормить. Везут не спеша в городах на

станциях не останавливали. Познакомились с попутчиками, я говорю: - меня такая езда не устраивает. А что же делать говорят демобилизованные воины, документы наши у начальника состава. Ан говорю, а у меня вот они, показываю. Рассказал им как мы "обтяпали" это дело. Говорю троим, -бегите к начальству, так мол и так у нас сестра здесь или девушка. Послушали и получилось, вернулись с документами. Вышли на узловой станции пересели на пассажирский и быстро очутились в Киеве. День провели в столице, хорошо выпили и с билетами в карман уложились спать в зале ожидания. Где-то в полночь отправляется поезд на Днепро. Кто-то проснулся и поднял всех, так как поезд отходит, но увы, пока выбежали на перрон, а он тютю ушел, правда хвост увидели и на том спасибо. А мы рассчитывали днем будем в Днестре и последние рублики "скушали", отмечая встречу с Украиной. Пришлось кое-что продать, следуя уже на другом поезде, поскольку уже и на харчи ничего не оставалось. В рідну Васильківку приехал на рассвете, не помню почему в такое время.

Смутно помню первые дни в рідній хаті. С едой, конечно, плохо. Мама домохозяйка по болезни и четверо учащихся школьников. Дней двадцать отдыхал, почувствовал свободу. Ну и думал куда идти работать. Шоферские права утеряны или ворованы. Да и какой я шофер без практики.

Съездил в ГАИ Днепро, написал заявление об утере, пошел по правилам уличного движения сдавать, не сдал. За первым разом никто сдать экзамен не сможет. Кому на лапу дать не знал, да и нечего. Повторно назначили число сдачи, я не явился. Тем и закончилась моя шоферская профессия, да и начала ее не было.

Каждый вечер в центре гулял в так называемом парке. После кончины Йоськи Сталина, власти провели амнистию, освободив много уголовников, забыв отпустить политических, без вины виноватых.

Поэтому летом 1953 г. воровство, убийства, драк больше было, чем в военные годы. Само собой коснулось это явление и Васильковки. Поскольку в драке, я страха никогда не испытывал, меня быстро "признали" приближенные "элементы". И так я стал "верха держать" в центре. Масса друзей по возрасту и много старше, по много лет "отсидевших". Выпивали каждый вечер, а после всевозможные "разборки". Спасибо Блохе Ивану Дмитриевичу, работал по шабашке на лубзаводе, как-то встретил меня и говорит: приходи к нам в бригаду строителей. Вот так я включился до праці, а сила была, еще ничем не болел. Работа тяжелая, но бетонировали в цехе или чистили ямы, где коноплю мочат, потом для финских домиков строили деревянные сараи. Строительного материала было много. Бригадир и все остальные брали домой доски, один раз и я с братом привезли несколько досок за месяц заплатили мало, хотя

водка каждый обед была. Но заработок меня не устраивал, так как кормить большое семейство и сам голый, кроме Флотского не во что было одеться. Это сейчас демобилизованных батяни встречают, приобретя обувь и одежду и музыку. Тогда все было сложнее и бедность почти в каждой семье. Но зато все дома радиофицированы и электрический свет от нашей ГЭС. Уже легче стало и веселей и светлей на душе.

Появились первые деньги с заработка. Мама купила мне коричневый костюм и зимнее пальто на выход имел одну рубашку и футболку. В начале осени сосед дядько Осняч Григорий предложил мне и Булаве Григорию работу - Павлоградскому масложирзаводу добывать камень в нашей карьере. Поехали в Павлоград, написали заявление и как ихние рабочие получали командировочные, а за количество вывезенного добытого камня - зарплату. Зав.карьера выделил нам забой поганенький. Так я начал осваивать новую работу. Ломик, большая кувалда, лопаты, вила специальные для оскола при погрузке машины. Носилки, тачка с одним колесом. Со стороны смотреть на Эту работу, то кажется каторга, а привыкнешь, втянешься и ничего страшного. Сначала очистили забой, потом снизу ищешь трещину в пласте и ломиком подрываешь пласт. Большой камень разбиваешь кувалдой. В одно место бьешь раз двадцать, тридцать, а бригадир говорит, - грій грій, то место действительно стает горячим и появляется трещина, которую острым ломиком расчленяешь.

Крупный камень /бут/ складываешь в штабель, а мелкий /оскол/ отдельно штабелем носим носилками или тачкой возим. А приходят машины с Павлограда, грузим вручную. При такой работе б хорошую еду, а где ее взять в то время, кусочек сала, пара яиц и бутылка молока. Приварка не было. В зависимости от вывезенной продукции шла зарплата. По тому времени неплохо получалось. По машине нам завезли шелухи из семечек подсолнуха, хорошее топливо считалось Маслозавод этот перерабатывал семечки. За деньгами ездили в Павлоград. Месяца четыре мы у них работали. После нового года рассчитались, уже им камень не нужен был. Осняч Григорий не стал работать, а пришел Григорий Бабах, мы новой бригадой заключили договор с колхозом с под Письменной на столько-то кубометров. Колхоз платил деньгами, а иногда кое-что выписывал из. продуктов. Выполнив энное количество камня, заключали с другим колхозом договор или какой-то организацией. Где-то в ноябре 1954 г. поехали в Письменную получать деньги. Рассчитались все как положено, ожидая поезда зашли в буфет, в нем все два столика. С Бабаком мы сели вместе, а Булава за другим столиком. Слышим после пропущенных внутрь пару стаканов водки Булава Григорий с кем-то крупно говорит. Оказывается это студенты Днепропетровского

железнодорожного техникума приехали с концертом и до начала представления выпили в своем кругу. Булава подходит к нам и зовет на улицу. Выходим на перрон, ничего не зная, смотрим вся "ватага" ожидает нас на углу вокзала у туалета. Не гласно распределились, со мной в туалет идет самый большой "поговорить". Только зашли во внутрь, он выхватывает нож и на меня всей тушей. Я его ногой в живот, он отлетел и сел задницей на бетонированный пол. Поднялся, подскочил ко мне и взмахом руки с ножом старается попасть в живот. Я в это время левой рукой отбиваю нож в сторону, пожертвовав своим большим пальцем. Таким образом располосовал вдоль весь палец. В один миг, увидев мою окровавленную руку, этот "бык" рванул, что есть силы с туалетной на улицу. А я сжал пальцами место разреза, чтобы кровь остановить, выскочил за ним. Смотрю он перебегает через рельсы и бежит в сторону клуба. Я за ним, подхватив на ходу костыль шпалы, стал настигать его. А на улице грязь ноябрьская, спадает у меня галош с ботинка и то время так ходили, обутыми. Вижу что не догоняю, бросаю в него костыль и попадаю по загревку. Рукой он схватился за то месте и не останавливаясь "юркнул" в клуб. Остановился я на крыльце, подбежали и моих два Грыцька, я им даю поручение, -стоять у двери, а сам пошел вокруг здания, нет ли черного хода. Да другого хода в клубе нет, это уже хорошо для меня. Здесь я его и накрою. Захожу в клуб, а вы, к своим обращаюсь, - стойте у дверей, что бы он не ушел от меня. В середине людей много, его не видно. Прошел я на сцену и за нее, все закутки осмотрел, нет и все. Выхожу на крыльцо, смотрю и моих Григориев нет. Всякие мысли приходят, может погнались за ним чертом. Опять вошел в зал, все прочесал глазами, да нет же иду на вокзал, пусто и здесь. Левый кулак мой в запекшейся крови и такая обида и злость на своих друзей, а что тут сделаешь, выяснять не с кого очередной раз, я без вины виноват остался. Нашел медпункт ихний, а в вокзале помыл дурак руки это нельзя делать. Сестра обработала руку, врач три скобы бронзовых наложил на рану, забинтовали ее и с бинтом через шею в подвешенном положении руки стал ожидать поезда. Кругом темно и пусто, а в душе моей тоже самое. "Так уже на роду написано" за кого-то подставлять свою голову. Среди ночи вернулся домой. От боли в руке почти не спал. На другой день пришлось проведать много друзей, кроме тех "друзей" в кавычках. Видно совесть их затронула. А может сдрейфили зная мой характер. Через два дня только пошел я в поликлинику, не выдержал адской боли. Хирург Злой, фамилия у него такая, мой собутыльник по выходным, увидел мой палец, ахнул. Так его "раздуло", что скобы чуть видно. Берет в руки свои плоскогубцы и вырывает эти три скобы. Так все загноилось, что могло быть гірше, як казав один сатирик. Все эти

процедуры без наркоза, короче с хирургом я вышел белый как мел. Почти два месяца носился с рукой, не работая и ничего не получая.

Те два “друга” завербовались на север, увидел я их года через три. Так им не хорошо в глаза мне смотреть, что-то мямлили, с минуту постоял я и ушел. Так я им и не простил их подлости.

Весной меня взяла другая бригада в карьер. Поначалу рука болела от тяжелой работы, а потом наладилось. Заключали с колхозами договор и добывали им камень. В августе 1954г. Коля Слынько завел меня в кабинет председателя райисполкома Бурлакова /умолчал что и зачем/ поговорили с минутой и вышли. Коля говорит - ты четвертый с кем я захожу, тебя утвердят на мое место -председателя районного комитета ФК и спорта. Я ему отвечаю: - знал бы я, ты бы меня и арканом не затянул.

Принял дела, документы, печать, большой кабинет на втором этаже. Здесь же находился и мой сосед Исаченко Иван Афанасьевич, председатель ДСО “Колхозник”, вот он меня и “подковал” теоретически по всем вопросам бумаготворчества. Как описать приказы, как отвечать на письма областного комитета. Как проводить районные спартакиады школьников, допризывников. Готовить и везти в Днепропетровск районную команду на областную спартакиаду по легкой атлетике, по тяжелой атлетике. В общем освоился, почитал литературу, порылся в архивах. Документы у предшественника отлично оформлены, а работа велась с потолка на бумаге. Первым делом я закупил спортивный инвентарь и спортивную форму. Уговорил зав.финотделом Здор Владимира Акумовича, большого любителя спорта, особенно футбола, выделить денег дополнительно /бюджет на год был мизерным/, и тот израсходован, а этом деле полная поддержка со стороны председателя райисполкома и первого секретаря райкома партии Пошивайло Константина Карповича. Купил две футбольных формы, новые мячи футбольные, волейбольные, сетки на ворота т.д. Списал старую форму, майки, соколки, трусы, бутсы. Акт написали на уничтожение /и такая была форма бюрократии изрезать, чтобы никому не досталась/. Одним словом страна Советов. На самом деле комиссия была только на бумаге. Все это, я раздал спортсменам и футболистам. Шипы на бутсах посбивали и носили как ботинки /бутсы были не такие, как сейчас/. Люди были довольные, как никак а помощь, жили тогда бедно, одевались еще хуже. Все мои предшественники были люди семейные, лишнюю тряпку или рубль несли домой. А я раздавал и этим самым вернул людей на стадион.

Вечером в парке говорил с бывшими друзьями футболистами, к семейным ездил домой. Уговорил начали приходить тренироваться. Привели в порядок

стадион, беговые дорожки, прыжковые ямы. Заменяли новыми футбольные ворота. Большую афишу оборудовали возле дома культуры. Допустим - воскресенье состоится спортивный праздник, в заключении - футбольный матч. С торгашами договаривались, вывозили лотки с пивом и ситром. И народ пошел, телевизоров еще не было, стало быть домоседов тоже. Целые дни я был на работе. Районному начальству это понравилось. Идут куда-нибудь со свитой по центру, я навстречу. Остановится поздоровается и заводит разговор. Те не понимают, какой-то пацан, а с ним первое лицо района говорит. Я использую шанс в каждом диалоге. Нажать на коммунхоз или автоколонну выделить автомашину для поездки в соседний район на игру.

Через неделю к нам приедут, чтобы не просил у районных руководителей, всегда помощь оказывали. И любое спорт мероприятие без их присутствия не обходилось.

Основное "ядро" спортсменов и футболистов, я поощрял таким путем: провожу районное соревнование, составляю реестр на 20 чел. судей, а обхожусь десятью человеками. По реестру получаю деньги, составляю ведомость на двадцать судей, расписываются люди. И после соревнований идем организованно в ресторан. А как иначе людей заинтересовать, это же не школьники, что можно приказать или получаю приказ из Облспорткомитета на нескольких листах, с такого то числа и по такое-то на стадионе "Металлург" проводятся областные соревнования по легкой атлетике. Вы обязаны обеспечить явку своей команды и т.п., примерно до 30 человек. Набираю человек десять разносторонних спортсменов, да один кум мой Саенко, мог вида три "потянуть" - прыгнуть в длину, высоту, бросить диск. В общем сокращаю на половину команду /почти по Гоголю/, командировки выписываю на 30 чел. железнодорожные билеты, вернее деньги на проезд туда и обратно тоже на 30 чел. Приходим на свой вокзал садимся на рабочий поезд электрички, еще не ходили. Паровозная тяга. Вся моя команда дружно залазит на крышу вагона рабочего поезда. Уже остались не израсходованы деньги почти полностью. Приехали в Дненро, гостиница заказана, поселяемся, иду в комитет получаю талоны на питание, на три дня, плюс за бутылку коньяка уговорю того, кто ведает талонами, что мой поезд уходит не того числа, когда заканчиваются соревнования, говорят мне пиши заявление на дополнительные талоны. По тем временам сумма получается приличная, если большую часть талонов отоварить в столовой, где нас кормят или получить в буфете деньгами. После соревнований всей командой идем в кабак. Иначе авторитет не заимеешь. Прикармань один раз деньги, на другой раз не получится. Никто не поедет, никого не найдешь. Зауважали меня люди,

начальство тоже. Райком комсомола доволен, спортивная работа на высоте, хоть что-то, но получается. Имел право присваивать спортивные разряды - юношеский третий и второй взрослый. Со значками, как и положено. Для молодежи - это награда. Кабинет мой не пустовал, всегда полно людей. По хозяйственным делам исполкома мы с Исаченком были палочкой-выручалочкой. Погрузить, разгрузить или за помидорами, капустой, кавунами для работников райисполкома, все это на "физкультурах", как нас называл Волковой Николай Т., секретарь райисполкома. В Черниговскую область за картошкой послали меня закупить для работников. Завезти уголь в исполком. Побочной работы было много. Ну мы все это делали с охотой. Были здоровы и всегда веселые. Днем и вечером находился в центре Васильковки, круг друзей и знакомых еще больше расширился. Постоянно полуголодный, полураздетый с окладом 650 руб. никогда не терял бодрости духа. Как будто зная, что ждет меня впереди нелегкая житуха.

Наступил 1955г. Встретили весело в складчину и с мыслями, что хорошо покушаю мясного. Дома этого яства не было, а если и было по святам, то в мизерном количестве. Зима в то время была не холодной, за исключением января, и снега много и морозно, хотя и с оттепелями. Шарфа и шапки не было, холода не ощущал. Па ногах ботинки с галошами, один костюм, две рубашки, два галстука, еще флотские брюки, весь мой гардероб.

Летом в отпуск приехали Кравцы из Одессы. Остановились у батька своего, рядом с дедом Шевцовым жили. Первым делом позвали меня с исполкома на обед, а я среди дня везу футбольную команду в Илларионово на игру на первенство области.

Как не отказывался и все же Иван Зиновьевич заставил выпить грамм 300 водки. Жара стояла невероятная, такая теперь редкость. Приехали и в 15.00 дня вывожу команду на поле в самый зной. Первый тайм по нулям. В перерыве я под колонку водяную, хорошо освежился. Второй тайм начал бежать хорошо. И единственный шанс не упустил. Вырвался с мячом один и забил гол. Так и закончился матч. Играл я неважно в футбол, но упорно и смело. Иногда каким-то чудом забивал важные мячи. А осенью в грязь на нашем стадионе забил гол команде Узел-Нижнеднепровск со счетом 1:0 мы победили.

Вернусь назад малость. Получил в марте месяце с облкомитета депешу выслать человека или самому председателю ехать на двухнедельные курсы тренеров по футболу. Я конечно рад этому и поехал. Поселили нас в гостинице стадиона "Металлург", где жила до нас команда мастеров перед выездом на юг. Читали теорию и проводили практические занятия. Кое-чему полезному

научили. Выдали справку, что могу тренировать команду какого-нибудь общества спортивного и судья третьей категории.

Да, с чего начал, с приезда родичей. Беру отпуск первый на гражданке и едим с Кравцями в Одессу. Служил, работал, а с мыслями романтика, я не расставался. Знал, чем бы я не занимался дома, все это “временно”. Меня тянуло в океан в далекие страны. Одесса мне понравилась и первым делом иду на Дерибасовскую в Управление АКФ, куда я писал со службы, из Васильковки тоже. Зашел в отдел кадров, мне говорят, - пишите нам в марте месяце. На этот год штат укомплектован. То есть весной 1956г., если вы имеете флотскую специальность. В марте 1956г. послал документы в Одессу, какие требовались. Работая стал ожидать ответа. На месяц раньше в феврале или январе наш кабинет перевели в другое здание рядом с исполкомом. Этот кабинет хуже прежнего и по размеру, с одним окном и решеткой, выходящим на северо-восток. Окно без замазки и оклеено. Ветер с морозом дул прямо в кабинет. Исаченко И. А. смышленнее меня сходу поставил свой стол подальше от такого окна, а я рядом, мол светлее. Северо-восточный ветер дул много дней и я почувствовал, что меня продуло изрядно за эти дни. Короче слег в постель я дома. Как раз во время, когда Хрущев наделал “шороху” на 20-м съезде КПСС, “оголил” хоть малость звериную суть так называемой “партии”. Я сходу зауважал его за это. Ну а большинство против, как так на Сталина, бога-вождя, такое в открытую.

Проведав меня, друзья приносили газеты и спорили, как могли, через несколько дней пошел в поликлинику. Терапевт крутила меня, выслушивала, ничего серьезного не находила. Вышел на работу, днем вроде нормально, а вечером я другой, нервный, угнетенный и так месяцами. Как будто меня подменили - с тех пор на всю жизнь стал другим.

Майские праздники в компании ни веселости и водка не “лезет” в горло. Числа пятого мая 1956 г. получаю из Одессы вызов на работу в Антарктическую китобойную флотилию “Слава”.

Тут бы радоваться, а я со своей меланхолией не “расстанусь” никак. Совсем упал духом, как быть, я уже не тот, что был. А тут еще по плану работы надо проводить районную спартакиаду через неделю. Решил провести мероприятия, а потом расчет и поеду с опозданием. Так и сделал, а на душе холод и тревога. Да и свыкся с работой, друзьями, уважением со стороны начальства. Не подвел со спартакиадой и 12 мая 1956г. с билетом на Ростов-Одесса друзья проводили меня с сожалением, как с моей, так и с их стороны. Небольшое отступление до свята Первого мая, вернее события уже второго мая. Как я уже писал, что не могу смотреть безразлично, когда зазря обижают

человека, в том числе и меня. С февраля месяца 1956г. так и не "очухавшись" от непонятной болезни, отгуляв без настроения

1-е Мая в компании. На второе мая я не пошел туда. А вышел в центр выпил сто грамм и гуляю на углу возле "каменной бабы", где теперь быткомбинат выстроен. Пошел дождик, нас человек восемь выстроились под стенкой здания, где были высажены молодые деревца и вдоль них посыпано желтым песком. Стоим шеренгой, пережидая непогоду. В это время подходят к нам Левенец с женой и Иван-бендюжник, фамилии не знал я, видел на лошадях в повозке, что-то возит. Само собой амбал и ввысь и вширь. Малость по "мухой", начинает приставать к Вите Лихацкому, слегка ударив по лицу, потом до Мыколы и Магалы инвалида войны.

Никакой реакции с их стороны, молчат и все. Продвинулся арарий и до меня, да еще и деревцо надломил. Я уже не выдержал, - выясняй отношения, ну зачем дерево ломать.

Посмотрев на меня с презрением, на мой дохлый вид, он вмазал мне по лицу, содрал кожу слегка. Я "вскипел", мгновение и правой прямым в левую скулу его, всю злость вложил в этот удар. Все ахнули, как этот монумент рухнул навзничь головой, просунувшись по желтому песку.

Много посторонних сбежалось, показывая на меня пальцами, мол який якого завалил. А он с лежачего положения долго сидел, по-видимому голова "гудела". Если бы асфальт, то могло быть і гірше. Как-то встретил его в буфете, он посмотрел и отвернулся, ни слова, все таки узнал меня. На тот момент я уже был во "форме", после годичного отсутствия.

Так вот, приехал я в Одессу, вызов в Управление АКФ "Слава", получил пропуск в порт, где стояла у причала китобаза. Там же должен пройти строжайшую комиссию по всем параметрам своего организма. А я это уже не тот, что был в 28 лет до этого. Не я, а сгусток нервов. По два врача на каждый орган. Перед этим укол грамм 30, пузатый шприц. Кто-то упал, после такого "вливания", а я слава богу. Зубной врач заглянула, - ох, миленький у вас тут непорядок, но я вам напишу годеи, видно я ей понравился или пожалела такого дохлого. Невропатологи, как всегда, я им не нравлюсь, долго крутили, спрашивают -вы не первый раз?, хорошо что сообразил сказать нет, имелось ввиду не первый раз в Антарктику, со скрипом пронесло и тут. Вышел на палубу полупьян, от пережитого, люди радуются, человек двадцать новичков, как и я, а мне не до того. До выяснения окончательного результата решил не показываться до Кравец Ивана Зиновьевича и сестры Веры. Ночевали в Управлении на столах. Дня три прошло с моего приезда и после медкомиссии согласно приказа по АКФ, я был зачислен, так называемая "судовая роль", машинная команда

китобойца “Двойки”, поначалу “кочегаром” по традиции так называется, поскольку угольщиков в то время уже не было. Котлы давали пар флотским мазутом. Следишь, включаешь или выключаешь водяные насосы и много других приборов, обслуживающих машино-котельное отделение.

Когда окончательно убедился, что зачислен, я отправился навестить родичей. Погостить у Кравца Вани и Веры. В Управлении получили билеты на “Рысака”, так на флотском жаргоне называют пассажирские суда. И “Россия” доставила нас новобранцев в Севастополь на судоремонтный завод, где летом будет ремонтироваться вся флотилия.

В Севастополе получил назначение на китобоец “Двойку”, построенный в 20-х годах, а потом и закупленный после войны в Норвегии. Экипаж в составе 31 человека. В машинную команду прибыло нас 4 чел., все с военного флота. Помимо заводских рабочих и мы занялись ремонтными работами. Разборкой паросиловых механизмов, притиркой клапанов, паровых, водяных кранов и массой других работ, в подготовке к одиннадцатому рейсу в Антарктику и ее воды. Стояли мы в сухом доке на северной стороне. В центр города можно добраться старым автобусом до причала, а оттуда через бухту на катере, вроде речного трамвая. Так мы после работы на судне уходили в город на Приморский бульвар, зачастую в ресторан “Волна”, расположенный на бульваре у самой воды. Деньги брали в долг у наших, уже побывавших в Антарктике. В Севастополе жилось нам хорошо, кормили на судне неплохо. Жаркое лето, прекрасный пляж на Очкуевке. Да и с борта можно было освежиться в бухте. Получали мы ставку на ремонте береговую 850 руб. Это до денежной реформы 1961 г. Выйти в город нам новичкам было не в чем. Потому, что рядом с нами шли моряки, побывавшие за пределами Союза, щеголявшие в модной, дорогой и красивой одежде.

По какому-нибудь неординарному случаю, одевали их шмотки. Город был закрытый и снабжался хорошо, по сравнению с Днепропетровском. Отправил и я посылку домой 6 кг сахара, в то время дефицит даже на Украине. С полочки шли в более дорогой ресторан “Севастополь” при одноименной гостинице. Вечером чувствовал я себя неважно, по-прежнему. В нетрезвом состоянии вроде хорошо. В конце лета меня перевели на плавбазу. Ввиду того, что там заменили все котельное отделение с установкой автоматики у немцев “смазанной” с военного корабля, на котором я служил.

В характеристике это было известно, называлась она “Аскания” по имени нашего заповедника. Не знаю, почему немцы так называли. Рабочей средой было машинное масло под давлением 6 атмосфер. А наши хваленные конструктора сделали ее на дистиллированной воде. При выходе в рейс меня определили и сделали турбинистом, обслуживающего турбовентиляторы.

Четыре турбины через редукторы вращавшие большие лопасти вентиляторов. Сама паросиловая турбина вращалась, вернее ротор ее со скоростью 9 тыс. В минуту. Грохот от работы большой, как в дизельном отделении. На плавбазе "Слава" условия лучшие бытовые и питание разнообразное. После ремонта пришли в Одессу, с неделю постояли под погрузкой. И ушли после проверки властей, так называют пограничников. С начала рейса с неделю я вёл дневник.

Антарктическая китобойная флотилия "Слава"

1956 год. 1-й рейс.

М.И.И

31-е октября - рейд города-героя, красавицы Одессы.

2 часа ночи, идет проверка властями всех судов флотилии. На море свежо, к утру туман рассеивается. 8 час. утра - китобаза снимается с якоря и занимает место в голове колонны, за ней в кильватере идут 17 к/с. с радостью думаю за сбывшиеся мечты, и с грустью провожаю взором удаляющийся берег родной Одессы, с которым расстанемся на долгие месяцы плавания в чужих и суровых водах. Впервые в жизни я не увижу зимы, зато два лета проживу в один год. Сегодня ночью в столовой смотрим кино "Возраст любви". После, с романтическим настроением о неизвестном и заманчивом будущем, ложусь спать, безусловно не на всю ночь, до следующей вахты, которые будут чередоваться бесконечно и однообразно до половины 1957 года.

1-е ноября. Погода та же пасмурная, морской дождь, волнение около четырех баллов. Так весь день. 17 час. 30 мин. вечера, показались берега Турции, на первый взгляд неприветливы из-за пасмурной погоды. Входим в пролив Босфор, разделяющей Турцию на европейскую часть и азиатскую. Все суда флотилии подняли флаги приветствия и государственный флаг Турции /красное полотнище с полумесяцем и звездой/. Свободные от вахт люди заполняли верхнюю палубу. Пролив шириной около мили имеет хорошую глубину, где свободно проходит любой океанский пароход. Сразу же с самого начала пролива по обе стороны начинаются дачные места с очень красивой растительностью и прекрасным архитектурным ансамблем набережной улицы. Дома 3-х -4-х этажные с множеством окон, через что они кажутся легкими, воздушными и красивыми на вид.

С левого борта все это хуже выглядит, маленькие домишки, леплящие друг у друга, выглядят уныло, скорей всего это рабочий поселок. И все же все в целом, этот пролив считается одним из красивых мест в мире. Стамбул раскинулся вдоль пролива с улицами, которые террасами спускаются к

Босфору. Рядом с ним начинается другой город /в настоящее время они слились/ с множеством светящихся реклам и морем огней, тянущихся до самого Мраморного моря. Это и есть бывший Константинополь, который когда-то принадлежал Византии, позже поработен Турцией. Неслучайно здесь и выстроены такие прекрасные, многовековые памятники, как Софиевский собор /однофамилец с Киевским/, в честь христианской веры. Мраморный дворец, который принадлежит династии турецких султанов и большое здание "Гарема". И так пролив пройден обратно входим в море уже Мраморное, заметно качается. Где и провели всю ночь.

2-е ноября. Утром проходили второй пролив Дарданеллы, тоже принадлежащий Турции. Такая же гористая местность, но с менее красивой растительностью и видом.

На склонах гор, обращенных к проливу, надписи или изречения на турецком языке, выложены с чего-то белого. Кое-где у подножья гор приютились небольшие селения с мечетями, что так же противоречит особенностям Босфора /имею ввиду полностью заселенный пролив/. Ширина и глубина пожалуй одинаковы. В основном сходство большое. Невольно приходит на мысль пословица "Чудес на свете не бывает", но тут природа сделала свое, именно чудеса, открыв человечеству путь сообщения, со всеми частями света. Еще один пройден пролив.

Обратно в море, но уже в Эгейское, все такая же погода. Этот день был несколько необычен. Дело в том, что по традиции заведено, начиная с Босфора брить головы, это еще говорит о том, что подходя к тропикам становится жарко. Ну и неплохо для самого волоса, мера предосторожности от плешивости, что в большинстве наблюдается у моряков, тем более китобоев, уходящих на столь продолжительное время.

3-е ноября. Идем среди островов греческого архипелага. Сильный ветер со значительным потеплением. Среди островов, под их прикрытием качка почти не ощущается, лишь при выходе из-за одного из больших островов. Эвбиды на повороте, ветер, наконец, вырвавшийся немного на простор и развеявший волны до 6 баллов стремительно налетает на флотилию, захлестывая палубу базы порядочными порциями бриза. Островов много малых и больших, у некоторых вершины упираются в облака. Видны кое-где поселения и маяки. В отличии от островов и берегов Турции, которые и выпирают острыми вершинами, эти острова имеют в большинстве сглаженную вершину. Возле острова с Маяком встретили турецкий танкер, тысячи на две тонн. Растительность на островах скудная. Сегодня за время отхода впервые вышло из туч солнце, вода под его лучами уже не кажется свинцовой, а просвечивает голубизной. Воздух влажный. Ночью в темноте мерцают зарницы, да за

кормой базы ходовые огни китобойцев образуют гирлянду красных, зеленых и белых огней, похожую на карнавальное хождение яхт в праздник. Далеко в море видны светлячки -это идет пассажирское судно, направляясь в Афины.

4-5-е ноября. Средиземное море, прошли острова Мальту, африканский город -Тунис. Море, как всегда, беспокойное, к вечеру волна доходила 6 баллов, базу качает, а китобойцы ныряют. Главным событием пятого ноября, было то, что я впервые увидел Американскую авиацию, которая буквально целых пол дня висела над нами, пикируя и кружась, этим самым показывая свое невежество и нахальство.

Теперь я убедился в этом сам, без прессы. После штурмовиков, которые уже изрядно надоели и скрылись в сторону, где, пожалуй, находился их авианосец, место занял вертолет. Заходя с кормы у самого борта, он пролетал рядом, а в дверь полностью открытую, стоял военный с огромным фотоаппаратом, которым, наверное, пользуется кинохроника и клацал то и дело, перезаряжая и так раз девять. Ну наш брат не терялся тоже. Все любители щелкнуть мгновенно взяли его на прицел, так вроде в их руках не фотоаппарат, а "фаустпатрон", выстрелом которого можно было бы отправить этих молодчиков к Нептуну в гости, за их излишнюю любознательность. Причем "старики" рассказывали, что каждый переход -это наблюдается вроде "визита" с воздуха. Вскоре после этого с левого борта малым ходом прошел вояка "француз" морской охотник, на вид не плохой. Поравнявшись с нами поприветствовал, приспустив свой флаг /полосы красная, белая и синяя/, и так с каждым китобойцем, которые в свою очередь также приветствовали, согласно традиций морской этики. Хотя, правда, находятся такие "моряки" с разных стран, которые не считаются с неписанным "законом моря".

6-е ноября. Средиземное море. Временами доходит до шторма и обратно стихая, но не прекращая качать мертвой зыбью. Впервые за последние годы, я не ощущаю предпраздничного настроения, пока еще не вошел в колею или уже, да не совсем.

7-е ноября. Средиземное море. Погода на редкость тихая и солнечная. Заметно потеплело, можно загорать, слева африканские берега, скоро покажется Алжир. Все на палубе, кто не в машине. Я сменился, поздравляем друг друга.

Прошли Гибралтарский пролив довольно широк - с десяток миль /44 км/ и вышли в океан Атлантический. Сразу чувствуется мощь волны и синева воды. И пошли мимо Канарских островов, подошли к тропикам, которые начинаются с 23° северной широты. Тут как тут появились акулы, летающие рыбки /крылья у нее не для того, чтобы летать, а планировать, при выходе из воды на большой скорости/. Кроме жары большая влажность и почти

безветрие. Поэтому на судах выдают 400 гр. на день вина. Так называемого тропического. Постепенно подошли к экватору. Перед этим прошли вблизи красивого острова Святой Елены, где умер в крепости Наполеон. Если на суше линию экватора чем то метят, я имею ввиду автостраду или город ставят обелиск, то в океане естественно, ничего этого нет. Визуально можно только по солнцу определиться. Оно расположено точно в зените, проще говоря над головой.

Как известно, экватор делит Землю пополам на два полушария - Северное и Южное. Пока мы в Северном находимся, мы можем видеть в ночном небе Большую Медведицу. В Южном полушарии она исчезает с нашего обзора и появляется Южный Крест. Хотя я должен заметить не особенно похожи, что одно, то и другое. Координат на экваторе соответствует $00^{\circ},00$, то есть ноль градусов ноль минуты.

Один градус равняется 66 милям расстояния /длины/. Пересекли экватор и пошел новый отсчет расстояния 0,1 мин. 01 градус. И так, как в Северном, так и в Южном тропики простираются до 23° южной широты. Через день-два пути замечаем, что солнце находится в непривычном для нас положении, с обратной или противоположной стороны. Дома мы наблюдаем его в южной стороне небосвода. А в южном полушарии мы его видим в северной стороне небосвода.

А на плавбазе интересно прошел праздник Нептуна при пересечении Экватора. И Нептун двухметровый и индейцы ему под стать "черные" с перьями, посреди палубы большой чан, наполненный водой, где "осветили" всех новичков перед этим вымазав их мазутом. Индейцы после зачитания Указа Нептуна хватают салаг за руки и ноги кидая, как пушинку в чан. Все это у меня имеется на фото. Каждому дают вина, после освящения и "Диплом". Чем дальше идем на юг меняется и погода. За Африканским материком со стороны Индийского океана "сороковые ревущие" начало жестоких штормов. Заметно холодает, дней двадцать мы в пути. Появляются первые айсберги, а за ними и то, ради чего мы и шли на "край" света. Подошел китобоец с убитым китом. Посредством снастей всевозможных тросов передал или подвел кита к слипу, находящемуся в корме базы. Где его за хвост при помощи лебедок хватают храпцы. Как клещи с тонну веса захватывает хвост кита и тросами тянут лебедки по слипу вверх на разделочную палубу. Вытянули, освободили, разжали храпцы, все это лебедки исполняют. Они же потянули храпцы на место в слип. Матросы-резчики физически сильные, флершными ножами делают прорез по длине кита, со стороны хвоста по спине его и до самой головы. Прорез сала или жира, только до мяса. Вся оболочка кита состоит из жира, как и у свиней. Со спины толще, на животе тоньше. Замерщик меряет

толщину сала и определяет его вес, перед этим измерив его длину /кита/. Разрезы по длине кита делаются раза три, потом поперечные с метр, закатывая сало со шкурой, для прорези отверстия. Лебедка опускает трос с гаком и ним цепляют. Потом лебедка вира вверх и сдирает полосу жира шириной метра полтора и по длине метров двадцать. Обчистив как банан, отделив жир от мяса. Его режут на куски в большие отверстия круглые, расположенные над Жирзаводом, отправляют в котлы. А “раздевшего” кита тянут дальше в другой конец палубы. Здесь отделяют мясо метровой толщины - мякоть, отправляют в котлы вроде мясорубки и мелют его на муку. Не совсем мука, половина ее выглядит крупными с фасоль, в готовом виде засыпают в мешки, верх застрачивают. Мешок весит 75 кг. Остов или кости кита огромные пилят, тоже огромными механическими пилами паром движимые. Кости варят, мелют. Японцы научили делать из языка балык. Но это без меня, уже я не пробовал, говорят вкусный. Вот печени объелся, вкуснятина, вес ее 500-800 кг. Ее режут на куски килограмм по десять через отверстие отправляют в танки /большие трюма/ и там засаливают. А в Одессе разгружают, а куда дальше не знаю. Медпрепараты какие-то выпускали.

Разделочная палуба шириной 30 м и длиной метров 80, во время работы представляет собой незабываемое зрелище. Кучи мяса, огромные полосы жира, кучи костей, челюсти, как дверь гаража, гармошки пластин усов. Кровь, как во время ливня потоки воды на асфальте. За всем этим занято десятки людей в тяжелой и опасной работе. Ножи у матросов -ручка больше метра длиной, нож острый, как бритва, изогнутый. Одежда - куртки и брюки водонепроницаемые, сапоги как у рыбаков забродческие. Смена длится по 12 часов круглые сутки. Внизу в жирзаводе жара и совсем неприятные запахи. Китобойцы метят кита на хвосту ножом 2/18 номер китобойца и номер кита, так определяют кто сколько добыл. Выполнял план допустим -двадцать штук на месяц, сверх уже в двойным исчислении. Вкратце описал работу базы, она все время на ходу держится ближе к району, где охотятся китобойцы. На мостике следят за горизонтом, чтобы не дай бог японец или норвежец и т.д., не подошел к базе вплотную и не сфотографировал разделку усатого кита. По Лондонской конвенции их добывать можно было месяц -полтора. Кашалотов зубатых, хоть круглый год. Ценный медицинский жир вытапливают от усатого кита. Из кашалота технический жир получается и меньше других полезных компонентов.

Поэтому добывали процентов 90 усатых. Как шутили “усатым зубы вставляли”. Поэтому кто доставит в Лондон фотографии где запечатлено добыча или разделка усатых в запретное время - получит премию,. Тонкостей я не знаю, ну то что это так точно. Пока иностранец подойдет до плавбазы, тут уже успели

сбросить весь жир и мясо в котлы и шлангами смыли палубу. За то время пока аврал был на разделочной палубе "база" полным ходом шла отдаваясь от "неприятеля". Китобойцы тоже "разбегались в разные стороны". Разговор с китобойцами "база" вела круглые сутки в эфире закодированным языком. Ну например, - "танцую с Фенькой" - следует понимать, -охочусь за финвалом. Вид усатых китов состоит из Сейвал /похожий на селедку/. Финвал, Блювал /или голубой самый большой/ Горбач, Гренландский /серый, почти черный, самый жирный 60 см сало/. Зубатый: кашалот и касатка. У кашалота голова, как у подлодки нос, похожа и сам безобразный. Раз имеются зубы - это уже хищник. Зубы расположены в два ряда редко и только внизу. Нижняя челюсть, как дышло. Убил зубами жертву, он глотает не жуя. По сравнению с усатыми, они небольшие, как и усатый Горбач 20-30 тонн, до 50 тон. Самые большие финвалы 100-120 тонн и огромный Блювал /голубой/ до 160 тонн, гренландский и Блювал попадались очень редко, какие-то штуки за сезон. Их почти полностью истребили. Хищнически вели промысел все. Когда я уже плывал на 28 китобойце загарпунили "мать", а китенок подплыл к ней, уже битой и ластом как рукой ребенок хочет обнять ее, без преувеличений с чистой совестью говорю. Наш китобоец 28 добыл Блювала 30 метров длины, 153 тонны вес. Скелет его отправили на ВДНХ в Москву. Так говорили, так ли это? Вот такая "машина" в 1958г. взяла на таран 22-й китобоец и головой отбила винт, больше тонны весом, насаженный на гребной вал сечением 15 см, если не больше. Его все же убили и оказалось, что после такого удара на его голове была всего лишь вмятина. Судно осталось без движения. Хорошо что не штормило и его отбуксировали в Веллингтон /Новая Зеландия/. И все-таки главная опасность плавания в тех широтах исходила от столкновения с айсбергами и ропаками / кусок отколовшийся от айсберга/. Этот ропок в несколько сотен тонн весь под водой, чуть белеет на поверхности. Любому судну эта "встреча" стоила жизни. Айсберги по форме и размеру бывают разные, верх ровный, как стол, так их называют столовые и большие, напоминающие плавучие острова. С пробоинами в стене, как ворота или арки. Подтаявшие снизу переворачиваются, поражая наши взоры своей голубизной. На небольших льдинках отдыхают тюлени. Капские голуби с перепонками на ногах, как у водоплавающих. Мы их ловили капроновыми нитками. Клюв у них побольше, чем у наших. Поставишь его на твердую палубу не взлетит. С борта падает в воду, делает разгон ногами по воде и потом только взлетает. Ну а самые любимые из всех пернатых, это пингвины. Вылез из воды отряхивается, как человек одетый во фрак. Свободно дается в руки, не злобливое и потешное существо. А наконец, громадный с размахом крыла больше метра, поистине океанский странник -альбатрос, с большим

клювом, он как транспортный самолет, по сравнению с другими птицами барражирует над бушующим океаном. Наблюдая по часу за ними, я ни разу не видел из машущих крыльями. Парит, как планер, лавируя между волн, то набирая высоту, то пикируя И все это без малейшего движения крыла.

Вернусь к главному. За сезон флотилия добывала по 4 тыс. китов, перерабатывая их в собственном заводе. Раз в полтора, два месяца приходил из Одессы танкер типа "Казбек" /9 тыс. водоиз./, в танках которого находилась солярка и мазут флотский. В жирзаводе плавбазы имелась команда "танкистов". Люди, работа которых заключалась в том, что готовить "танки" у себя и на танкере. Израсходовала флотилия на свои нужды мазут и солярку, два, три танка на плавбазе пустые. Их надо отмыть до блеска, чтобы жирзаводу было куда сливать выработанный жир. Пришел танкер пришвартовался к базе на малом ходу между бортами на тросах удерживаются -«кранцы» резиновые, как бочки, а то и кита заведут, поместят в эту расщелину. Как предосторожность от волнения океана, дабы сохранить борта и не порвать шланги перекачивающие, свисающие с одного судна на другое. Освободился от мазута танк на танкере. Наши "танкисты" принимаются за его мойку, чтобы наша плавбаза слила туда жир. Моют их специальными аппаратами с горячей водой и еще паром. Эти люди все в резине и в противогазах, точно не помню, ну что-то похожее. А сами танки - глубокие отсеки метров по 10. В носовых трюмах плавбазы наполнены метки с мукой. Лебедка опускает сетку дебелую вниз трюма, а там человек десять забрасывает ее мешками по 75 кг и вира наверх в танкер. Пришлось помогать и мне один раз. Пальцы деревенеют от мешков. Танкер принимал до 12 тысяч мешков муки с китового мяса. В авральных работах участвовала вся команда, кроме машинной, ну я то должен все попробовать сам. Такая натура моя. Увозил танкер одного, двух китобоев в дурдом и тихо и буйно помешанных, да, да таковы реалии. Нервы натянуты до предела у всех. Немало и травмированных, как на плавбазе, так и китобойцах. Капроновые, стальные троса, концы сверху, снизу. Все в натяжку, аж скрепят, лопнул и по ногам. Видел и первую смерть, вернее первые похороны, как и в "старину".

То, что было сорок лет назад, по сегодняшним меркам, тоже уже "старина". Молодой механик жирзавода хотел подышать свежим воздухом, выглянул в открытый бортовой люк, с левого борта. Это единственное квадратное отверстие по борту, кроме иллюминаторов в жилых помещениях. Во время шторма оно задраивалось. А сверху по борту в подвешенном состоянии метров десять длины висела связка швартовых тросов или канатов капроновых, толщиной с человека, за которые швартовались на промысле танкеры и др. суда. Даже при небольшом волнении это средство "ходило"

вверх, вниз или скользило по борту. Вес его приличный опустился на спину механика скользя по борту вместе с ним сбросив его в воду, повредив ему внутренности. Кто-то увидел, поднялся крик на верхней палубе. Я был в каюте, выглянул в иллюминатор и увидел из воды черный волос чьей-то головы. Держась на воде, его пронесло понад бортом, аж до кормы. Я мигом выбежал на палубу. В это время один из матросов сбросил с себя теплую одежду и прыгнул головой вниз и в момент схватил за волосы, держась вместе на поверхности. За несколько секунд их снесло за корму базы, где китобоец сдавал кита, оттуда бросили спасательный круг. Матрос, спасающий, кричит, -я больше не могу держать, вода то ледяная, сейчас и я пойду вместе с ним. На китобойце матрос обвязавшись концом прыгнул за борт. Тем временем спустили шторм-трап, всех троих извлекли на падубу китобойца. Ночью механик умер. Сшили из брезента саван, сбили из досок вроде желоба, гарпун вместо колосника, как в песне поется. Попрощались, закрыли лицо и спустили по желобу в пучину океана, отметив на карте место похорон. Такие похороны я видел четыре раза. Такое зрелище выбивает из колеи любого человека, хотя по-разному. Моя нервная система /приконтуженная/ в такие моменты "оголялась" до предела. Выстоял, совсем не чокнулся.

Промысел заканчивался в конце марта или в начале апреля. То есть в начале осени в южном полушарии. Вода делается густой, как мед /солёная вода замерзает не при нуле градусов, а при минус 4°. Суда покрываются наледью, особенно китобойцы. Палуба, борта, снасти надстройки "одеваются" в ледовую броню, что опасно, теряется устойчивость судна, центр тяжести смещается снизу вверх. Во время непогоды судно может опрокинуться /оверкиль/. Все свободные от вахты выходят на борьбу со льдом. Поверхность океана покрывается тарелочным льдом, все увеличивается в размерах. Однажды, мы "драпали" самым полным ходом из такого плена. Туда, где плюсовая вода. А дальше еще теплее и совсем жарко. Первые заходы в иностранные порты. Экзотика, небоскребы, пальмы и мы полудикари. Южная Америка Монтевидео - Уругвай, Буэнос-Айрес, город-крепость на скале Гибралтар. Сутки стоянки в Стамбуле, пока через пролив натягивали высоковольтный провод, провисший до самой воды. Впервые Турция осуществляла такое мероприятие.

Моста через Босфор в пятидесятые еще не было. А меньше суток хода и Одесса. Если там за бугром в считанные часы, ты мог появиться в городе чужого государства, то дома, извините держат больше суток на рейде. Про себя можешь возмущаться. Потом пышный заход в порт с залпом гарпунных пушек с флагами рассвечивания и массой людей по всей прибрежной полосе Одессы. Особенно Приморский бульвар, лестница, портовая площадь, музыка

гремит на судовых трансляциях. Митинг возле отшвартовавшейся базы, и гудки всех судов, стоящих в порту. Помпезно и грандиозно. Попал и я на пленку киножурнала Всесоюзного, крупным планом, причем спускался по трапу, сам не видел, к сожалению, а от многих это слышал, мне говорили. При выходе из порта беру такси, иду в гастроном, отовариваюсь всем необходимым для стола дома у Кравцов, где меня ожидали их друзья - отставники, с женами. Человек пятнадцать набиралось. И пьянка до утра. На второй день пьянка продолжалась, я ушел на вахту заступать до своих турбин. На стоянке не все механизмы останавливаются, в машинном отделении. Сменился с вахты, помылся, оделся во все фирменное и уехал до родичев. Начал раздавать подарки, не обошел никого. Иван Зиновьевич Кравец отрез на костюм, Вере Ивановне шерстяную кофту, Тане и Тоне тоже, Сашке - шведку. Черного лака /материал/на две пары туфель.

Как я уже писал, на ремонте ставка зарплаты у меня турбиниста была 850 руб. Как только выходим в рейс - 1200 руб., на промысле - до 5000 руб., в зависимости от выполнения плана. Где-то около 5 месяцев были на промысле. Дорога назад опять 1200 руб. Каждый месяц Одесса отправляла матери моей 500 руб. По сравнению с иностранными флотилиями мы получали нищенскую зарплату. Ну а если сравнить "советский народ", то мы - китобои "богачи". Все объяснялось просто - за 8 месяцев рейса, что-то накапливалось, просто негде было тратить. Вот если бы с этого заработка, да хотя бы третью часть разрешили менять на фунты или доллары. Вот тогда можно и позавидовать. Валютой платили по категориям или специальностям. Начальство - как всегда в несколько раз больше /партия и народ едины/, только не у кассы.

В Южной Америке я получил 1500 песо. Шерстяная кофта 20-30 песо. Отрез на костюм 45-50 песо. Взял три кожи лака. Черный, белый и замша и квадратный метр кожи на подошву. Кожа лака с теленка, а с быка 1,5 или 2 м². Себе сшил две пары туфель. Остальное раздарил. А продай сапожникам или войди в долю с ними. Босоножки женские 4-5 полосок сверху материала они продавали на толчке по 25 руб. ни одну сотню босоножек можно было сшить. После первого рейса себе сшил 3 костюма и брату 2. Один костюм и один отрез, летние куртки две на замках, у нас таких не было в продаже. Рубашки и безрукавки рипсовые и шерстяные, шелковые и все красивой расцветки. Вот жалею до сих пор, что не приобрел кожанки, подшитые цигейкой.

Коричневые, черные с воротниками по сто с лишним песо. Южная Америка славилась скотоводством и выделкой кожи. Но я человек не практичный, на всю жизнь этот изъян остался. В то время наши деньги были дорогие. Тряпок и готовых вещей, особенно качественных и красивых почти не было. Взял в Одессе радиоприемник с проигрывателем - 1200руб. Костюм маланцы шили,

за работу брали 800 руб. /за "быстро"/. Взял путевку в Гагры, санаторий "Челюскинцев" -1000 руб. из тумбочки уборщица увела. Летел самолетом туда и на Днепро ИЛ-14, сиденья как у старого автобуса. Аэропорт в Днепропетровске - деревянный домик. Автобус вез в город 25-местный развалюха и по грунтовой дороге сплошь пыльной. Вышел из него, как будто меня вывалили в пыли. Приехал в Васильковку, два дня пьянки, человек сорок гужевалось. А потом вышел в центр, где я не был несколько лет - "пуп земли". Там уже в ресторане набилось друзей, а то и незнакомых, всех напоил.

Водка стоила 23 руб. бутылка, Московская горилка - 21 руб., шампанское что-то 35 руб. кажется. Что полезное сделал, так это купил на лесном складе доски, и сделал с друзьями новый фронтон или как он называется и крышу подчинили черепицу уложили, где была разбитой. На погреб привез машину цеглы. Выкопали и выложили на общественных началах, друзья товарищи. Отпуск был месяц, плюс за выходные, праздничные набегало дней 50. Итого почти три месяца. Поехал в Одессу, провожало много хлопцев и девчат. В буфете, как и положено "на дорожку" распили коньяк с шампанским. В конце отпуска все по нулям, денег нет, чемоданы пустые. Дома оставил итальянский ковер, гобелен и каперта-покрывало на кровать. Один ковер подарил сестре Дине, для молодой семьи. Ковер в Гибралтаре стоил 3 доллара или полтора фунта стерлинга, в Союзе продавали по 1100 руб. Каперта стоила 3 фунта или 6 долларов, в Союзе продавали по 2500 руб. За рейс, я получал 35 фунтов стерлингов. Автомобиль "Победа" стоил 18000 тыс., "Волга" -21000 тыс. Отоваривались удачно и не удачно, смотря куда заходили в какую страну. Самая удачная вылазка это Уругвай, Аргентина и Южная Африка -столица Кейптаун. В Гибралтаре брали только ковровые изделия и часы настольные и женские трикотажные костюмы красивые. В Адене тоже ковры. В Египте Суец и Порт-Саид, кроме продуктов ничего не брали, кроме фруктов. По приезду в Одессу зашел в отдел кадров. Встретил друзей по "двойке" китобойцу, их направляли в Николаев на новостроящиеся китобойцы дизель-электроходы, уже не пароходы. Пошли с боцманом к его другу в отделе кадров. Но моя специальность паросиловых, никак не подходит. Матросом я теряю и в зарплате с валютой. Машинная команда получала больше. Да и "морское дело" надо изучить, как следует, да еще на руле стоять, тоже свои сложности. Но боцман уболтал кадровика, - к ноябрю месяцу я с него сделаю матроса 1 класса. А по дороге в Антарктику научу на руле стоять. Боцману надо было подобрать "верхнюю команду" по работе, он меня знает и я согласился. Попробую еще на новом месте, да еще и свежий воздух, для моих "нервов" целебнее сорока градусной жары машинного отделения. Только не показывайся на глаза "деду" /стармеху/ плавбазы. На ремонте всегда не

хватает людей. А тут еще вздумал переквалифицироваться. Короче, на второй день, нас человек десять автобусом отправили в Николаев. Нашли 64-й завод судостроительный, военные корабли строил. Почти в центре города расположенный при слиянии р.Ингулец с Южным Бугом. Поселились в заводской гостинице. Получили пропуска в завод и начали ходить на свой 28-й китобоец. Эта серия судов уже с названием на борту, наш "Бесстрашный". И давай, я постигать "премудрости" боцманской команды, кое-что знал, многому научился. Через полтора месяца я уже освоился. Рядом стоял 27-й китобоец, он раньше должен выйти на заводские испытания, там не хватало матроса. Капитан попросил одолжить у нашего кепы. На время отправили туда меня, их команда уже поселилась на судне, а наша в отеле. Через несколько дней приехал на 27-й гарпунер герой с золотой звездой, авторитет на флотилии. Начал обживать свое хозяйство; ему подчинялась и боцманская команда. Через неделю хлопцы говорят мне ты понравился Панову. Спрашивал, что за парень, ну ему говорят с 28-го китобойца. Ничего заберем, в Одессе с кадровиками, я улажу. И тут мне не повезло, за час до отхода в Одессу пришел наш "кеп". А меня предупредили на 27, чтобы я не показывался на глаза своему начальству, пока уйдем, не выходил на верхнюю палубу. Я все таки чего-то пробежал по правому борту и столкнулся нос к носу с нашим "мастером". А ты чего до сих пор не сошел по грану. И я побрел понуриив голову на свой 28-й. В чем тут "соль", а в том, что попасть в экипаж к гарпунеру асу большое счастье. А тут оно само случайно просилось в руки. В общем то я многим людям, в жизни, как говорят, "располагал", нравился и всё. Дело в том, что Панов, Прокопенко, Гниляк дней за двадцать "добывали план", а сверх плана за одного кита платили, как за двух. И эти экипажи считались самыми высокооплачиваемыми. На 28-м боцман немного "подулся". Я ему говорю - "Боря, но я же не сам туда ушел". Вот и говорят, что я везучий. Сходили и, мы в море на заводские испытания. Потом в Одессу грузится, а флотилия вся ушла на месяц раньше нас. Остались два китобойца 27 и 28-й. У причала, не помню номер, весь экипаж участвовал. Ящики со свежими яблоками, макаронами, консервами, муку для выпечки хлеба, туши мяса, бочка вина, водка особая на праздники выдавали да и для представительств, лоцманов и т.д. Киноаппарат с лентами кинофильмов. Гарпуны, пороховые заряды, и из Киева четыре научных сотрудника. Наше судно стало научно-поисковым, разведывать новые районы скопления китов. И одновременно мы стали учебным судном по подготовке гарпунеров - 4 человека: Матвиенко, Маляренко, Селецкий Жора, Боря Жевахин. Наставник - гарпунер Зарва - самый старый китобой, за 70 лет ему было в то время.

План нам добычи условный, зарплата по среднему выводилась, не ахти получилась. Меня сделали артельщиком, это не должность, если да, то внештатная, заведовал я мокрой провизией и сухой. Первая - это рефрижераторное отделение где хранится мясо, масло, вино, красная икра в банках, сухая мука, макароны, специи и т.п. провизия.

Все это я выдавал коку, а документацию вел второй помощник капитана. Заодно я заведовал и "библиотекой". Мешка три получил книг, как они распознали мою любовь до чтения? В конце концов вышли мы из Одессы в середине ноября или в конце, уже были порядочные морозы. В Средиземном на траверзе Сицилии тепло стало совсем. В Гибралтаре "бункеровка" ночью и пошли Атлантикой. Постоянно качка ощутимая, на базе не всегда, да и не такая резкая. Перед едой на столах приваренных до палубы намертво намачивают простынь и покрывают их. Тарелки с борщом горячим ставят на мокрые простыни и они прилипают. Так что пока люди сядут за стол миски не перевернуться с первым блюдом. А в основном зачастую миска находится в левой руке, лавируя нею в противоположную сторону крена судна. Бывало при изменении курса резкий удар волны в борт, все содержимое стола вместе с простынею летело на того, кто сидел в торце стола. Вот так мы и кушали в обычных условиях таких суденышек водоизмещением 800 тонн. Плавбаза 19 тыс., по тому времени это много.

В декабре в тропиках искупались в океане. Вода до синевы голубая, с мостика наблюдают за акулами минут пять поплавали и быстренько на борт. Они тут же, дали о себе знать. Поразительное обаяние у этих хищников. Да еще оказавшись в воде, подумал, подо мной 4000 тыс. метров воды. Акул ловить легко. Спустя год мы вместе шли всей флотилией и по радиации передали на все китобойцы.

Московскому ресторану "Пекин" для китайских друзей требуются акульки плавники, для их национального блюда. На плавбазе есть кузница, где правят гарпуны, деформированные в теле кита. Вырезают его из мяса и в кузницу. Так вот нам наделали "крючков" с палец толщиной и передали на все суда. Что делаем перед ловлей акул? Кусок мяса вешаем под тропическое солнце на час, для запаха. Насаживаем на крюк, привязанный до каната, через метр от него кусок доски вместо поплавок. Канат закрепляем за леерную стойку и выбрасываем за борт. Несколько минут прошло и вот она уже молнией прошла рядом с "добычей". Развернули и прямо на приманку вышла. Проглотив все содержимое вместе гаком. И вот она затрепыхалась, натянув как струну канат. А мы хором выразив криком свой восторг, начали тянуть ее к борту. Тигровая акула небольшая, килограмм 50-70. Ну и самая опасная, нападает на людей. Вытащили на палубу она подпрыгивает, начали "глушить"

пожарным ломом по голове со всей силой, хоть бы что. Я схватил топор пожарный, давай лупить, рубить, потом флершерным ножом метровым, разрезали до сердца. Вырезали небольшое сердце, бросив его на палубу, а оно пульсирует. Вот уж чудо, мы тогда говорили - кому Расскажи, не поверит. И так мы их штук двадцать наловили. Для сувенира я содрал кусок кожи ее, он выглядит как наждачная бумага. Говорят, что раньше акульей кожей пользовались столяры краснодеревщики, для полировки изделий. Пасть у нее во всю ширь туловища. И на ней зубы, как у пилы поперечной. Собирался я пасть вырезать вкруговую и засушить, да так и не собрался. А плавников завялили целый мешок, для московского "Пекина" и передали на базу.

Вернусь назад к нашему рейсу, двоих наших китобойцев 27, 28. Прошли мы тропики, приближаясь к сороковой параллели. Где и настиг нас ураган, причем мы оказались в центре циклона. У меня есть фотография, где мы на дне "балки", а 27-й на горе. Больше это напоминает "горы", а не волны. На поверхности этих "холмов" воду срывает скоростью и давлением ветра и вода превращается в белые пузыри словно снежная пороша носится на поверхности океана. Убавив ход судно карабкалось с горы на гору, а то и попадая между них. На четвертые сутки, вся эта кутерьма пошла на убыль. Два болта кормовой лебедки, так называемые анкерные, сорвало, но не унесло механизм задержанный, еще одним креплением. Плотность и сила воды такая, что ваера /железный трос/ при ударе волны плавают по палубе, словно они пеньковые. Сила ветра убавилась, но еще порядочно штормило, я и кок Антон осторожно пробирались в носовой отсек до продуктового склада. В ураган, это было не осуществимо. Я бежал первый, кок в метрах пяти за мной в белой куртке с мешком в руках. В нескольких шагах от тамбура, где расположена дверь, меня все же накрыло краешком волны, я подчеркиваю краешком. Ощущение такое, вроде кто-то сзади за ноги взял, и махнув мною, как падкой плашмя, ударил об палубу. Голова моя оказалась в несколько сантиметрах от железной фок-мачты, к которой полукольцами приварены полосы железа, куда ставится швабра, вернее вставляется, чтобы не смыло. Тут уже мне совсем везение, если не полголовы, то скальп сняло бы. Антона пронесло по ширине палубы с правого, под левый фальшборт метровой высоты, чем и задержало от смыва за борт. По такому случаю пришлось со склада захватить бутылку особой столичной. С волной шутить нельзя. В эти дни и ночи со сном, никак не удавалось отдохнуть. Только кажется уснул, удар по борту и ты уже в сидячем положении, в полусознательном состоянии. Под корму ударит, ты вываливаешься с койки, хватаясь за ограждение, которым твое ложе оборудовано. В эти бурные дни наш экипаж стал замечать странности со стороны моториста Толи Чабаненко. Да, забыл еще, поднялся я

быстренько с лежачего положения и от удара у меня лопнула кожа вверху носа. С расквашенным носом, набрав продуктов, мы вернулись благополучно во внутрь судна. На мостике третий штурман, молодой перетрусил, - Иван Иванович, извини меня, что не убавил ход, и не говори капитану, на китобойном судне врач не нужен, поэтому все медикаменты находились у старпома. А также инструкция с вопросами и ответами на них. Ну, например, болит голова, от этого надо принять такие-то таблетки. Сели мы со старпомом на пол в его каюте, высыпав сюда же из сумки содержимое аптечки, нашли стрептоцид, прочитав в инструкции, что надо присыпать рану и прилепить пластырь, вот так и зажило на мне. В скорости я запечатлев это на фото, как вещественное доказательство, голова гудела, но сотрясения не было. Да теперь опишу или продолжу за Толю Чабаненко.

После вахты выйдет на надстройку /на палубе смоеет/ и сидит возле теплой трубы, куда выводы идут с четырех дизелей. Молча, весь красный с горящими глазами. Уже пора на вахту, а он не двигается с места. Доложили капитану, тот радировал на базу. Оттуда главный доктор спросил, какие признаки, ему ответили. Вывод такой - от вахты отстранить и двух человек посменно дежурить возле него. Не пускать на верхнюю палубу. Через пару суток Толя изменился. Стал такие речи "толкать", не хуже лектора. А дежурные матросы с ног сбились. Бегая вместе с ним, или в кают-компании посадят за стол массивный, а сами по краям сидят забивая в козла. А Толя смотрит на портрет Карла Маркса, читает нам "лекцию" про него, не совсем лестно отзываясь в его адрес. Да еще в тех времена империи СССР. Весь экипаж переживал по этому случаю, и смех и горе, наблюдая за этой троицей. Пять суток, если не больше он не спал ни минуты. Наконец-то подошли до базы. Механик взял запчасти, дал ему в руки и говорит, что пойдем заменим илиотремонтируем. На базе есть специальная корзина, которую стрелой опускают на китобоец, иначе пути нет на базу. Наше судно против базы, как моська против слона. Волна нас поднимет, мы поравнялись палубами с базой, потом опустились вниз метров на шесть. Так вот эта корзина плетенная с лозы вместимостью два человека опустилась к нам на палубу. В нее надо быстренько забраться, так и сделали - Толю первого, за ним механик и они, как в гондоле дирижабля опустились на палубу базы. Толя увидев людей в белых халатах, все понял. Те его под руки повели в лазарет. По рассказу, а мы интересовались спрашивая по рации, как самочувствие Толи. То доктор Калиниченко поведав нам жуткую картину - Толя на базе превратился в буйно помешанного. Пришлось его изолировать, он стал стучать, греметь. Порвал на себе одежду на тонкие лоскутики ленты. После чего на него одели пожарный массивный ремень с цепью, а другой

конец приварили до железной палубы. А когда пришел танкер, его передали и поместили в клетку, как зверя в цирке. Это его был первый и последний рейс.

Помню в Николаеве я ему давал свою одежду, чтобы новичку не отличаться от нас. Через год, я его встретил где-то в магазине. Постояли с минуту, обменялись какими-то словами, как твое здоровье и т.п.

В 1958 году в декабре наш 28-й занялся своими обязанностями. Учитъ гарпунеров, все свободные от вахты забирались на мостик и на 360° обзора искали фонтан кита. У каждого вида кита он свой, то прямой, тот чуть в сторону.

Меньший или больший. На самом деле, никакого фонтана кит не испускает. За головой ближе к спине, как бы на загривке, расположен клапан - отверстие, через которое он выдыхает "отработанный" воздух и заодно набирает вдыхая чистый воздух. При выдохе теплого воздуха в соприкосновении с холодным наружным получался фонтанчик пара, как и в людей с наступлением холодной поры. Ну а детям на картинках рисуют водяной фонтан. Таких вдохов и выдохов у него до восьми, девяти. Находясь в движении, оголив "загривок" для очередного вдоха, в такие моменты их и поражают гарпуном.

Надышавшись он уходит под воду и пасется минут шесть-десять. Китобоец ложится в дрейф на это время и команда десятками глаз ищет, где он вынырнет набрать воздуха. И вот показался первый фонтан в стороне метров четырехста, а может и ближе. Взревели все четыре дизеля и самым полным ходом к нему, сблизившись на пятьдесят-тридцать метров. Гарпунер стреляет, стараясь поразить ближе к голове. Гарпун летит, за ним вьется линь капроновый. Получается как собака на поводке. Вонзаясь в тушу спереди гарпуна заостренным концом гранат входит поглубже в тело и взрывается четыре лапы гарпуна расходятся в стороны и получается уже "кошка" задерживающая выход гарпуна, вовремя подтягивания лебедки к борту судна. Где в кита вонзают пику со шлангом, и сжатый воздух поддувает тушу, после чего он не тонет, это время когда разрешена охота, то в него втыкают флаг СССР с импульсным передатчиком и буксировщик ищет по сигналу, принайтовил штук четыре тянет до базы, то есть собирая после китобойцев, которые гоняются за другими китами. Когда заменили старые суда на дизельэлектроходы, то буксировать стали сами. Взяв под "мышку" пару штук и бегом сдавать, выстаиваясь в очередь, если напали на стадо. Убитого подтягивают к борту китобойца, цепляют у хвоста, предварительно обрезав чуть концы на хвосте, ножом пишут номер китобойца и номер убитого кита. (Если он убит с первого раза) а если ранен и гарпун с линём остался в нем. Тут уж не зевай, он быстро уходит в глубину на сотни метров. Лебедчик должен стравить линь, давать слабинку. И линь как молния, через блоки уходит в

глубину. Не попусти во время, он рвется как нитка, а разрывная сила линия 25 тонн. У нас один сорвался, унося с собой 400 м линия. Это ЧП поскольку эта вещь дорого стояла в то время. Линь свистит и плавится чуть, а на палубе дым стоит и блоки подвешены на мачте, от такой силы "играют" по вверх то вниз. Матросы приседают невольно, как бы снастью или блоком не задело. Тут же под палубой находится канатный ящик, где вложен линь. Метров 80. После выстрела линь с палубы через лебедку укладываем ровными рядами по квадратному ящику, чтобы он беспрепятственно не путаясь вылетал через отверстие на барабан лебедки. Откуда его спустив тормоз лебедки в нужный момент потравят. Возле пушки есть на палубе углубление, где уложен линь в "бухточку" длиной метров 70. Выстрел гарпун летит разматывая эту бухточку без препятствий. Кильблоки закреплены на мачте одним концом стального троса, пропущенного через большой блок. По большому вращающему блоку скользкий стальной трос другой конец, которого уходит в трюм, где на него нанизаны до ста вагонных пружин, своего рода амортизаторы. При натяжке или нагрузке, которую создает кит, уходя от судна. Пружины сжимаются в гармошку. Не может же лебедка давать слаbinу и травить бесконечно линь. В конце концов раненного зверя надо подтягивать до судна, все эти снасти натянуты, напряжены. Вот тут пружины и выполняют роль амортизатора. Через маленькие блоки скользит только линь. Вряд ли читавший эту писанину досконально поймет. Под самым верхом мачты закреплена деревянная бочка, для наблюдения, когда китов нигде не видно. В нее лазит помощник гарпунера. Ну, я не я, как же не прочувствовать и этого. На ноги одел чуни, потом валенки с толстой подошвой обшитые кожей, шапку и всю сверхтеплую одежду. Ели полез метров двенадцать вверх. Втиснулся плотно в бочку, в руки бинокль и стал смотреть все вокруг судна. Вот где амплитуда качки, если я правильно выразился. Думаешь как бы не вывалиться оттуда. Через минут двадцать начинаешь мерзнуть, как будто ты в рубашке одетый. А на тебе в этот момент, сколько всего теплого, что вывалился за борт, то пошел бы как топор на глубину. На мостике тоже пробирает холод, на вахту четыре часа на руле отстой. У матросов лицо огненно-красное и все шелушится от соленых брызг. Аж черные от "загара". В холодную, а она всегда такая, капитан наливал по 50 гр. спирта. Сменился с вахты надо подготовить гарпуны, поднести ближе, лапы его обвязать тонким кончиком. Если кит на лине, вся боцманская команда на палубе занимается его обработкой. Тут уже командует гарпунер. Подтянуть, надуть, обрезать линь и зачалить его к новому гарпуну и вставить его в ствол пушки. Свободный линь уложить опять в бухточку под пушкой. Все это делается в темпе, слажено без ошибки в мокроте на ветру и с качающей палубой.

В 1958 году на одном китобойце гарпунер Кобыльников не застопорил пушку, но уже заряженную пыжами готовили матросы гарпун, чтобы вставить, судно качнуло, развернув пушку и она выстрелила прямо в живот одному, “уложив” наповал. Вскорости все китобойцы подошли, включили палубные рации громкоговорителей, послушали прощальные речи. Привязав гарпун к савану с почестями опустили в океан.

В 1958 году наше судно ушло в автономное плавание курсом 90° разведать восточный район омывающий Антарктику. Через дней 10 мы встретились с китобойцем Японии. Прошли встречным курсом близко, они и мы “высыпали” на палубу, махая руками. Одеты лучше нас и судно, как игрушка, явно превосходящее в мореходных качествах. В этот же день мы наткнулись на стадо Горбачей не меньше сотни. Так, вот где японцы промышляют. Радировали Солянику и вся флотилия вскорости была здесь. Работы хватило надолго.

Продвигаясь генеральным курсом 90 мы пересекли 180° меридиана, так называемую линию, где часы и наше судно переводила стрелки 12 раз. Проще говоря мы шли навстречу восхода солнца. В вахтенном журнале отметили число 21 марта и на вторые сутки тоже записали 21 Марта. В апреле месяце мы вышли в пролив Дрейка, откуда и начинали только с другой стороны пролива. Могу засвидетельствовать, что действительно Земля круглая. Через год мы еще раз обошли вокруг “пузыря”, так говорят моряки. Итого, я дважды обогнул ее с пролива адмирала Дрейка /Англия/, мы зашли в скорости на Фолклендские острова, за которые лет десять назад Англия повоевала с Аргентиной. Огненная Земля, Аргентина. Одним концом невдалеке от островов живет на них до 1000 чел. и диких гусей и овец туча пасутся. Набили наши охотники их много сот. Всем хватило на жаркое. В 1959 г. после промысла мы пошли в Новую Зеландию, страна-сказка, что по уровню жизни, что по красоте природы. И самая отдаленная от Европы часть света. От Одессы если перевести на километры тысяч 18.

Австралия. Здесь мы взяли на буксир шестью новыми дизелями шесть старых паровиков-китобойцев 400м стальные троса и потянули до Суматры /Индонезия/. Оттуда рейд Сингапура в сторону Гонконга, где распрощались с ними, а они ушли своим ходом во Владик. Расчет таков, мы их тянули, а они чуть подрабатывали своей машиной. Расход топлива почти сохранился у них. Им хватило дойти до Владивостока. Союз ССР только-только рассорился с Китаем и зайти туда пополнить топливо было нельзя. Выход был только такой - старую флотилию передавали Алеуту. А мы - назад вдоль экватора Индийским океаном, Джибути - Восточная Африка. Есть поговорка старая -

“кто не знает, что такое время и расстояние, пусть садится на судно и идет вдоль экватора, со скоростью 6-9 узлов”.

Индийский океан - своеобразен непредсказуемостью погоды. Идешь - вокруг тишь да гладь, ни с того, ни с сего налетел ветер, шквал, балов до шести. Все свободные от вахты отдохавшие под тентом и спасательными шлюпками, мигом убрались с надстройки /помещения расположены выше верхней палубы/, захватив с собой свои матрасы. Иначе уплывет все за борт. А в каютах в это время, как в духовке, да еще и болтанка. И так много дней. Добрались все гаки до мыса Восточной Африки, рядом с о. Сокотра стали ожидать всю флотилию. Через день вся армада зашла в Аденский залив, где расположен порт Аден. Бросив якорь на рейде, простояли трое суток. Жара куда ни шло, а влажность воздуха донимает. Спали на палубе, прикрывшись простынями. Через минут пятнадцать она уже мокрая. Порт и город были английскими, но мы ездили и в старый Аден, где я приобрел красивую скатерть, которая и по ныне украшает стол. А далее по Красному морю пришли в Суэц. Сутки простояли, ожидая очереди на вход в Суэцкий канал. Интересное и грандиозное сооружение до 100 км длиной. Есть Обводный канал и малые и большие озёра, где расходятся встречные суда.

Пришли в порт Саид, взяли овощей и на Одессу.

В 1960 г. я опять перешел на плавбазу турбинистом, где и получил радиogramму о рождении сына Коли. Выдали мне две, фляжки водки по такому случаю. А чего я вернулся с китобойца, по-моему из-за “Советской Украины”, плавбаза новая ушла в рейс. А на “Славе” не хватало специалистов. Поскольку я уже был человек семейный, по настоянию Лидии Григорьевны, пришлось расстаться с любимым мне делом. Восстановилось мое здоровье, но не настолько, как до 1956 года. При расчете только случайно узнал, что мне отпускные каждый год половину суммы не добавляли. До девяти тысяч мне должны были вернуть. Так сказал мне инженер по труду. Бегал я целую неделю в порт на плавбазу, то в Управлении на Дерибасовской. Четыре тысячи написали получить, а инженер посмотрел, ухмыльнулся, - ты доволен, я махнул рукой, согласен. Ну, дурак, как всегда, халатный к себе самому, своему благополучию. Остальные кому-то достались из бухгалтерии.

На Пересыпи есть автошкола ДОСАФ, поступил второй раз в жизни на курсы шоферов. Полгода учится, ну я половину срока учился. Сдал все на хорошо. Получил корочки и с болью в душе по Одессе уехал в Днепропетровск. Остановился у родичей Алексеевых, через пару дней они меня прописали у себя по пр. Правды за виадуком, возле ремонтных мастерских и конторы АТП-9, состоящей из пяти автоколонн. Через дядю Митю по “блату” меня

направили в колонну #5, которая находилась на территории Днепропетровского мясокомбината, она же его и обслуживала. Начальник колонны звонит и говорит, - пусть едет ко мне, я на него посмотрю.

Приехал на мясокомбинат, зашел к Фани Богданову, поздоровался, он ничего не говорит, только рассматривает меня. А после "разглядок" изрек - пиши, сынок заявление. Стала быть, опять я понравился. Иду напарником к Саши Трипальцу, машина ГАЗ-51 #35-16 ДНБ, развалюха, резина лысая. В кузов поставлена будка, в которой возим пирожки с мясом 40 копеек. В 6 утра уже на работе у цеха, где курей обрабатывают, варят, коптят, там же и пироги пекут. Смена на 12 часов через день, пока развозишь по городу в десятки магазинов, ларьков, два, три колеса выстрелит. А на улице зима, но холода не ощущаешь за работой. Иногда удавалась колбасу или мяса развезти. Кое-что и мне попадало. Домой шли с шабашкой.

Жил пока один на пр. Правды у Алексеевых. Потом нашли квартиру на Ксеньевке и мама с Колей маленьким переехали. Было у меня тысяч восемь денег на тот период. Купили ложки, ножи, вилки, посуду из мебели шифоньер, стулья, кровать. Кое-что для Коли из игрушек, кроватку. Все с нуля начинали "хозяйничать". Зарплата небольшая, а кусок мяса или колбасы я приносил. Часто ездили на Васильковку. Там сыну и год отметили, человек сорок было у Шевцовых в доме. Так я и продолжал работать на "Газоне". Внутри двора мясокомбината несколько веток железнодорожных путей имеется, для своих погрузочных и разгрузочных работ, на которых расположено три, четыре железнодорожных переезда не охраняемых. Но составители вагонов при движении поезда передом или задним ходом должны награждать переезд, днем с красным флажком, ночью с фонарем. Правила эти писаны не для того, чтобы их исполняли. В СССР человеческая жизнь рядового человека ценилась очень мало. В результате, подчеркиваю, на территории мясокомбината погибло два шофера, столкнувшись с движущим поездом и автомобилем, скорость то совсем малая, это ли не безобразие, о котором я выше говорил. Утром еду под загрузку в пирожковый цех, через переезд. Рядом в пяти метрах от переезда стоит последний вагон железнодорожного состава "хвост", а "голова" поезда где-то за домами, вернее строениями. Загрузив свою будку под "завязку" еду через переезд. Экспедитор ушла оформлять пропуск на проходную. Подъезжая к переезду глянул на состав, он по-прежнему недвижимы и не огражден железнодорожником. Только заехал мой передок на пути, в этот момент паровоз толкнул состав и эта махина сунется на мою машину. Мотор мой на "ладан" дышит, давлю на газ, а толку-то. Всего метр моего левого борта осталось на пути поезда. Удар не сильный, поскольку состав еле двигался. Машину мою зацепило, разворачивает и ставит

параллельно вагону. Благодаря тому, что задний мост мой был за переездом. Я “выбиваю” скорость на нейтралу и через правую дверь выскакиваю из кабины. А машина задним ходом на пару с вагоном сцепившись проехали метров десять. Составитель с флажком бежал сигнализируя паровозу. Сбежалась толпа людей, кричат, - где шофер, я говорю здесь. А они напуганы предыдущими смертями, заволновались, больше чем я. Все это происходило в ста метрах от гаража. Прибежал мой начальник и с кулаками на железнодорожника - вы опять не ограждаете переезд. Безуха мне опять. Будь машина колесами на переезде, ее бы груженную перевернуло во дворе грунт песчаный и машину вдавило в песок по задний мост. На буксире меня вытащили и потянули в наш “сад”, в котором росло с десятков старых акаций. Пирожки перегрузили на другую машину. И мы с механиком и слесарями занялись осмотром автомобиля. Сломало пару досок левого и заднего бортов, а также поперечный нижний брус. Раму выгнуло и задний мост с колесами оказался чуть в стороне. Такую “картину” можно наблюдать когда стяжной болт лопнет на задней рессоре. Рама в грузовике - это основа машины, как в легковой кузов. “Выручили” две огромных акации, росших на одной линии в метре друг от друга, против них поставил автомобиль изгибом рамы между акаций в полуметре от них. Вырезали два чурбана из соснового бревна. Одним концом уперли в раму, другим в дерево, а место изгиба рамы зацепили цепью и трактором в натяжку и рывками, все гаки выровняли. Не совсем идеально, если присмотреться.

За литру водки плотники починили кузов моей машины. И на второй день мой газон был на линии. Меня никто не обвинил и без административных наказаний все обошлось.

В 1961 г. СССР начал “догонять” США по производству мяса, такой клич бросил Хрущев. А поголовье скота в стране сократилось до минимума. Мясо, колбасы и пирожки наполовину выпуск уменьшился. Если будка с надписью мясопродукты подъезжала к магазину, то толпа людей бежала за ней, узнать что привезли. В связи с дефицитом продукции, меня и мой автомобиль на пару месяцев направили работать на завод пищевых концентратов. А они находятся рядом завод и мясокомбинат. Подвозил ящики с кукурузными хлопьями к вагону. Разные соки в банках. Мешок комбикорму мне в конце работы за прилежный труд дали. А то и дефицитного в ту пору сахара сумку. Комбикорм сразу же за проходной за червонец продавал. Часто для рабочих завода полную машину мешков комбикорма вёз на Игрень, Чапли. А они платили наличными. Цену я никогда не устанавливал, что дадут. Они удивлялись и зауважали. Заработок был нищенским и “калым” помогал здорово. Кормиться и снимать квартиру. Лидия Григорьевна с маленьким

Колей пока не работала. В гараже 5-й автоколонны, кроме машин под мясопродукты и скотовозов имелось пять самосвалов. Два ЗИЛ-164, остальные газоны. Газоны подвозили, уголь до котельной и другие работы. ЗИЛы были новые, полгода как получили. На них работало по три человека. Как-то подходит ко мне Яша Филоненко и говорит, - я вижу ты все время то под капотом, то под машиной лежишь, значит хлопец работающий. У меня одного напарника берут на полгода служить, и вот, я решил взять на его место тебя, ты мне понравился. И вот так я стал ЗИЛистом, прямо повезло. Поскольку на самосвалах в то время работать было выгодно. Вокруг много было застройщиков. Днем ЗИЛы возили нечистоты на Клочковскую свалку, где комбинатовский экскаватор рыл 10х10 м яму, куда мы сваливали отходы. Заполним яму, ее засыпают песком, а следующая уже готова. Сейчас на том месте микрорайон застроили. Грузчики пока грузят машину, мешок колбасы спрячут в кузове или мяса на выбор. Связи у них были во всех цехах. Утром еду с грузчиками куда-нибудь на пилораму. Грузим опилки и привозим в подвал колбасного цеха. Оказывается эту продукцию коптят опилками. Сгрузили в люк, оттуда выбрасывают несколько кило, только сваренного сервелата. В таком виде он с руку толщиной и мне, кажется, вкусней копченного. Дома у нас на столе ассортимент мясных изделий был лучше, чем в гастрономе. Откуда брались все эти "излишки" в мясокомбинатовском холодильнике? Все очень просто. Пригонят гурт скота, или привезут скотовозы. Как и должно быть взвешивают на больших весах. Не отделишь же ты в живом виде, чтобы взвесить отдельно шкуру, кости, рога и копыта. Тут уже весовщик "царит", какую упитанность поставить на ваш скот. В цифрах, конечно, занизил на единицу, вот тебе и есть лишние килограммы мяса. А в общем получают тонны не учтенной колбасы и мяса, в холодильнике всегда имеются десятки тонн. Как на масложирзаводе занижают жирность молока и увеличивают его литры "свяченной водой". Где вы слышали в СССР, чтобы на каком-то мясокомбинате или маслозаводе обнаружили недостачу после ревизии. В ночную смену нас направляли возить шлак, глину на кирпичный. Камень из Чаплийского карьера, ну а под конец ночи обслужим клиента на энную продукцию. Безусловно на ЗИЛе улучшилась наша жизнь и продуктами и деньгами. Около года блаженствовал на самосвале. Потом какая-то санитарная комиссия запретила стоянку самосвалов на территории мясокомбината. И их передали в другую автоколонну. А меня в отпуск отправили. Получил отпускные деньги, пообедали и я говорю своей компании, что куда на какую машину после отпуска. Мой старший Филоненко говорит, - столыжник на "лапу" начальнику и сядешь на мясную будку, есть место. Зашел я до Фани, а он всегда на "веселе". Говорю, что без машины, так мол и как.

Положил деньги на стол, он поблагодарил и говорит, - иди в отпуск и пойдешь напарником к Валерке. Газон хороший, еще и года нет. Кажется, завтрашний день обеспечен. За день до окончания отпуска прихожу в гараж и вижу в мастерской идет собрание. Оказывается за пьянку снимают с должности Феофана Петровича и на его место полковника в отставке. Козлов будет править. Денежки мои тютю, а жалко и работа доходная "ушла". Не стану же я требовать взятку. Через день принял я тягач-скотовоз, #11-31 ДНБ /седельный/ грузоподъемностью 7 тонн, на каждый тягач имелся еще и трейлер. На нем работали по стройкам, заводам. Строился проспект Правды. Я целое лето возил с Кайдак блоки под фундамент. С трейлером ездил на Киев, Москву, как "дальнобойщик". Потом цеплял скотовоз и по всей области в "Заготконтору" или "Заготскот". Рогатый скор, лошадей, свиней везли на мясокомбинат. На заготскоте давали нам по мешку или два кукурузы, ячменя. Подъезжая к мясокомбинату поселок Нахаловка, нас встречали и покупали для своих свиней. На тягаче платили больше, ну и работа тяжелее. Вozить скот или лошадей надо их привязывать внутри, ну кто это делал, да и нечем. Асфальтовых дорог еще не было по районам области. Земляные профилировки или шоссейные круглые, как яйцо, да еще вдобавок и узкие. Со встречной машиной принимаешь правее, уже правые колеса на обочине и ниже. Скотовоз с живым весом накренился и часто "ложились" набок. Такое однажды случилось и со мной. Шесть скотовозов начали грузиться в Царичанке. Мы три первые загрузили по 25 штук быков и поехали. Въезжаем в село Китайгород, еду по шоссейке, скорость 50 км на закруглении улицы стоял с боку дед на белой кобыле. И вот эта повозка, без всякого предостережения в метрах двадцати спереди меня выезжает на проезжую часть шоссе. Тормозить резко нельзя, со скотом, беру влево, сигналив тому черту. Левая сторона колес пошла но за обочиной и так узкой дороги. И вся махина метров 14 легла на левый бок. Пока мы с сопровождающим вылезли через дверку правую, а наши быки уже пасутся на обочине. Хорошо обошлось, что скотовоз был не крытый, без железных ребер сверху. И с правого бака бензин капал поза глушителям раскаленным, дело было летом. Быстро мои друзья отцепили тягачи от скотовозок и двумя тросами поставили на "ноги". Масло вылилось, крыло и подножка покорежено. Переднюю часть вагона деформировало. Порожняк приехал сдал задом в кювет, погрузили моих быков, а я вернулся в "загодскот" и с двумя молодцами до вечера отрехтовали и поставили на место почти все как было.

На второй день я с товарно-транспортной накладной заехал в гараж отчитался, как ни в чем не бывало. Покореженный скотовоз поставил в

середину, их там десятки стояло. А сам подъехал под трейлер. Так никто и не узнал.

А зимой 1963 г. уволился. И “газоном” Васильковским нас перевезли к Шевцовым. Тут, мол пол дома пустует и работу для Лиды можно найти. Тогда в начале 60-х годов Хрущев умно поступил, из 27 районов области сократив до 12-ти и до Васильковского вошел и Покровский. Так что в райцентре добавилось бумагомарателей. В общем уговорили нас на переезд. Я правда долго, месяца три, без работы был. Где можно было устроиться, я туда не хотел.

В конце концов через зав.финотделом Здора В.А, поступил в Васильковский райпотребсоюз шофером на бортовой ЗИЛ-164, обслуживать все магазины Васильковки, а также торговую базу с лесоскладом. Ну и все магазины на периферии. За товаром приходилось ездить в Киев, Днепропетровск, Харьков, Запорожье, пол Украины объездил. Условия работы никудышные. Машины старые, ремонтной базы нет. Одна яма смотровая на тридцать машин. Я своего ЗИЛа поставил на капитальный ремонт в машинную мастерскую на Ульяновке. Заменял новую раму и многое другое. В основном на свои деньги. С покраской - вышла как новая. В торговле работать, это значит без выходных вкалывать. Воскресенье - в три часа ночи везешь какой-нибудь магазин на толчок Павлограда, Запорожья и т.п. После обеда приезжаешь, а завтра на работу. Очень редко работаешь 8-ми часовой рабочий день. Приезжаешь в Днепропетровск под обед. Выстоял в очереди, начинаешь грузиться и заканчиваешь в конце рабочего дня. Приезжаешь домой уже темно. Утром разгрузишься и опять на Днепро или в Марганец за кондитерскими, в Никополь за пивом, в Мелитополь - за водкой, в Харьков за торговым оборудованием. Особенно зимой тяжело, печка в машине ели-ели, стекла запотевают. Грузчик с тряпочкой соли протирает стекла, а они тут же обмерзают. В кабине пар со рта идет, вроде ты на улице находишься. С лопатой в руках по километру пробирались ночью. А летом посреди пути, ливень застанет, тут уже буксуешь в грязи. Топором рубишь хворост, подбрасываешь, буквально метры “отвоевываешь” у распутицы. Дороги в основном были грунтовые, как по областным, тем более районным трассам. Зарабатывал 150-180 руб. больше всех в гараже. Частенько награждали грамотами /нет бы деньгами/. Неимоверными усилиями, но машина всегда была на ходу, как говорят. Страшно вспоминать о такой жизни и условиях работы.

Коля мой издали узнавал 98-01 ДНИ и бежит “наперехват”, приходилось останавливаться, объяснять, что я не домой еду. Один раз взял его в Днепро, для ребенка дальняя поездка утомительна. Сверх усилиями приходилось

содержать машину в рабочем состоянии. Летом и зимой утром рано я уже под машиной лежу, то тяги, пробки подворачиваю или смазываю. Специально для этого кусок фанеры, на который ложился и в мороз и в грязь. Однако всего не предусмотреть, да и техника отработала свое время, металл тоже устает. Еду на Киев за табачными изделиями, только съехал с железнодорожного моста в Днепро. Моя машина как "побежит вправо" от неожиданности не сразу и тормознул. Пробовать крутануть рулем влево, аж потом на тальмы. Хорошо на Вокзальной улице тротуар был, не у проезжей части. Заглянул под машину, вижу продольную тягу, болтается в стороне. Лопнул палец тяги пополам. А если бы это случилось на мосту, в трехстах метрах от которого я съехал. На обочине моста, проезжей части его, еще не положили высоких бордюров, как сейчас. Это потом "дошло", когда нырнула не одна машина. Или как-то заехал под Павловку забрать картошку из огорода тети Маруси. Начался дождь, погрузили одних, третьих, пятых, кричу быстрее. Мы же не выедем по грязи на шоссе. Короче полная машина мешков и на ней сверху люди. Дорога сяка-така проходит у самой речки Терсы, а дождь бьет. Чуть под горку машина забуксовала и с пологого берега развернуло задком к реке, сунется юзом в речку. В итоге задний мост оказался в воде.

Хорошо, что "бабочки" мои ничего не видя, сидели накрывшись от дождя. Вот их то я пожалел, забрал всех с огорода, а себя нет. Пока дождь перешел в ливень, я был бы на шоссе. Вытянули меня с речки благополучно, мог бы и перевернуться с людьми. А тут еще мостик впереди узенький со скользкой дорогой. Тетя Маруся в кабине заёрзала, - ой свалимся в канаву. Сиди говорю и молчи, еле не скользнули колеса по за мостиком. Риск - благородное дело, кто-то сказал.

Зимой в январе 1964г. решено строить дом. Нашли план в центре, договорились с хозяйкой. Договорились -оформили землю, зашли человек шесть в ресторан, обмочили документ, а за душой ни копейки денег. Беру займы 250 руб. у деда Блоха Ивана Григорьевича, покупаю камень в карьере. Весной выкопал под фундамент канаву. Грузчики мои выложили цоколь. Завез цеглы с кирпичного завода начали класть стены, потихоньку расплачиваясь и в свободную минуту сам вкалывал на плацу. Бульдозер спланировал площадку и убрал кусты перед началом стройки. Общакон с друзьями сделали крышу, на пилораму перевез лес от деда, купил дополнительно на лесоскладе доски. Хорошо, что работал в такой организации. Чего не хватало, было где взять или купить. За 1965-67 годы окончил вечернюю школу и получил аттестат за 10 классов.

Еду машиной, увидел кусок доски - в кузов. Грузюсь в Днепро на складе, пройду под забором валяются большие ящики от упаковки, уже они мои. Пришли вагоны с лесом к нам и для увязки материала скручивают брусьями, планками. Все это за бутылку беру себе в кузов. Вот так и на крышу сарая собрал пиломатериал. На сарай купил шлакоблок и с дедом Шевцовым вдвоем за отпуск мой выложили стены. Крышу поставили и рубероидом покрыли. А года через два, по заказу деда Блоха привез шифер и закончили сарай. Погреб выкопали с друзьями, арматуру и бетон тоже в выходной сделали. Два года строился и все выходные и отпускные дни мои вкалывал на своей стройке. Лаги на пол положил с друзьями, а пол настлали с дедом Гришей.

Коммунхоз вел водопровод по нашему переулку. Договорился за 5 руб. вкрутили кран в трубу против моего дома. Засыпали канаву, через неделю подготовил трубы три четверти, выложил колодец во дворе, "гусак" с краном вместо колонки. Подключился до трубы основной, через метровую канаву, и у меня во дворе появилась вода. С этого колодца подвожу на кухню для умывальника. Между сараем и домом вырыл яму, забетонировал стенки и получилась сточная яма, для канализации. Ванну не успел установить. Летний душ купил и установил за сараем. Посадил сад с виноградником. Привез две машины дров с под пилорамы на половину с досками, чем и обгородился кругом. Столбики бетонированные, ворота неплохие.

6 ноября 1966 года сделали входины, человек 50 было. Перед этим созвал с работы тех, кто помогал в строительстве дома. Так как всех сразу посадить за стол не было возможности, ну а родичей позвал уже на свято. Вот так вкратце описал эту семейную "эпопею". Сколько сил и здоровья вложено в "недвижимость" нашу. За это время обносились, поиздержались, но вышли без долгов. Чтобы строиться, надо быть шофером грузовика.

В шестидесятые поды в Васильковке, много было бригад шабашников, которые ездили по колхозам районо, занимаясь строительством ферм, клубов и т.п. По тем временам зарабатывали хорошо, раз в пять больше чем на производстве. Рыбалка Николай - мой хороший знакомый. Встретил меня и говорит - Ваня, давай согласие на шабашку, я мол знаю в Павловке надо построить шесть коровников по 100 м длиной и зам или 20 м шириной. Надо бригаду сколотить и заключить договор с колхозом, через Васильковскую стройконтору. Мы будем числиться формально, как рабочие стройконторы с трудовыми книжками. И стаж будет не прерываться. Деньги будем получать за погрузку стройматериалов в стройконторе. А в колхозе будет основной заработок, согласно заключенного Договора. Стройконторе это выгодно для плана, так как производительность бригад шабашников намного выше их

рабочих. Все стройматериалы идут через стройконтору. Блоки, плиты, цемент, кирпич, песок, камень, погрузку, разгрузку - все это мы обеспечиваем. Уговорил я еще одного шофера из гаража мастерового. На машине поехал на "Низ" до своего дядька Блоха Гр. Гр., старый шабашник и специалист. Он согласился и говорит, что с ним еще один специалист годится, пять человек самая оптимальная бригада. Мыс Колей - подсобные рабочие и три специалиста. Сажая на своего ЗИЛа бригаду, берем мастера стройконторы и едем в колхоз. Удачно, голова колхоза у себя, все, заключили, подписали в феврале 1967 другой день мы с Кушевским написали заявление на расчет. Начальство было недовольно, что я увольняюсь, все же 4 года дни и ночи отработал в торговле. Но жизнь такова непредсказуемая штука, что и сам не знаешь, как повернется завтра. Хуже других жить я не мог. На стройку ездили автобусом рейсовым, также и с работы. Сколько я перегрузил цемента, песка, шлака на крышу, кирпича. А сколько ведер бетона из под бетономешалки переносил. Бетономешалкой я заведовал. Камня с карьера сколько грузил. Траншеи под цоколь копали вручную, бутовали, ложили цоколь. С марта месяца начали и за два года 2 коровника сдали под ключ. 50 тыс. за два коровника взяли, плюс стройконтора платила за погрузку по 120-140 руб. Каждому в месяц. В колхозе брали мясо, все овощи по низкой цене. Обедали в тракторной бригаде, вкусно и питательно. Деньги - это не малые, если 21-я Волга стоила 5600 руб. Попотеть пришлось мне здорово, там и волос начал лезть с моей буйной головы. Два инициатора этой затеи, я и Коля Рыбалко рассчитались.

Сорокалетие себе справил на славу, человек сорок было, если не больше. Пару месяцев отдохнул и как-то встретил старого друга по райисполкому, 24 января 1969г., Волок Василий Семенович -начальник райдоротдела /а потом он организовал "межколхоздорстрой". Приди завтра в контору, как раз ГАЗ-52 бортовой освобождается. А через год должны получать ЗИЛ-555 самосвалы, один из них твой. Итак опять пути дороги. "Калыму" сколько хочешь, только не бортовой. Карьер, камень свой, оскол, жорства, песок возится на покрытие дороги. Около года прошло, как и говорит Василий Семенович, пришло два ЗИЛа. Вручают мне ключи, давай я лазить, все перетянул смазал. Во дворе гаража магазин. Взял я 10 бутылок столичной, закуски и с шоферами приливать "аппарат". Никто на меня и не обиделся, по старым "заслугам" побаивались.

На новеньком самосвале включились и мы в строительство дорог по району. Дороги, как правило, были разбиты и вот по ним за 20-30 км самосвалы возили Жорству из карьера. Где бульдозер и экскаватор готовили и грузили этот материал. 4-5 ходок за день по плохой дороге, изрядно выматывает. По

очереди работали в карьере, где экскаватор грузил крупный камень, который везешь на дробилку. Тут же рабочие заготовят на несколько машин хорошего бута, для застройщиков. В обед с ними сделаешь несколько ходок. За машину они тебе выделяют 10-15 руб.

Материально жизнь улучшилась, стал больше зарабатывать, от калыма тоже весомая прибавка выходила. Иногда после работы застройщики нанимали самосвалы для поездки в Павлоград на силикатный завод. Возвращались ночью поздно, заработав руб. 20. То есть работа на "износ" и здесь. В СССР по-другому не выходило, если ты находишься на нижней ступени общества. С тебя "выжмут" все соки. Отработать нормально день, заезжаешь в гараж и узнаешь, что надо ехать в такой-то колхоз, пару ходок сделать сахарного буряка на свеклопункт. Или пшеницы и других грузов. А может и так, в субботу рабочий день, ввиду производственной необходимости. Столетие бандита #1 по кличке Ленин. Во дворе собрание, речи, здравицы, и мол отработает полностью день субботника бесплатно, конечно. Ну как, товарищи, начальство спрашивает? Все молчат. Я говорю, -отработаем безусловно, но боюсь, что это войдет в привычку. И что же, прав оказался - эта дуристика продолжалась до перестройки 1985. А за мир, а за того парня (обман, лицемерие и тому подобное). В 1969 г. - радость, на свет появился грешный, второй сын Толя. Хлопоты, заботы, мама на год или полтора по уходу за ним. Ну а у меня в работе ажур, на жизнь хватает. Василий Семенов - отвези-ка меня к мастеру сырзавода. Сделал ходку, а Гриша армянин - еще привези и камня и песку, глины. Рассчитывается головками сыра и масла килограмма по три, пять - мне и начальству. Пройдет месяц, увидев меня Гриша говорит - почему не заезжаешь, завтра к заводу на такое-то время. И сколько я раз подъезжал уже не помню. Кум Бондаренко - районный инспектор по заготовке продуктов. Давай съездим в такой-то колхоз, мне выписали петушков штук 50. Привозим штук 70, причем больших. С ними же на бахчу поехали и нагрузили пол самосвала кавунов с ведро величиной. Только таким путем, можно было жить сносно. За машиной ухаживать, обслуживать я не ленюсь. Па запчасти денег не жалею. 360 тыс. км я на ней пробежал, ни мотору, ни другим крупным узлам ремонт не делал. Другой же ЗИЛ - ровесник моему - головку снимал, задок выкатывал, коробку снимал. Калымил он больше всех, а для машины ни копейки не положил. А самое главное разумно и грамотно эксплуатировать. Четыре с половиной года проработал я в МКДСУ по строительству дорог. С полгода уже болел живот, груженным еще ничего, а порожняком едешь, так тебя натрясет, что и жить не хочется. Сменилось начальство, Болок ушел на ЖБК. Чередник был года два, сняли, а как человек хороший был. Стал Юшин, никчемный по натуре, это мнение объективное. После работы перед

выходным, завтра в колхоз ехать, а у меня дня три болит в животе. Началась с ним перепалка, он - вы людей противопоставляете против меня. Короче пробежала между мной и ним трещина. Да еще живот не давал нормально работать или как прежде. Я понял с машины надо уходить. А где же работать. В 1972 году с Колей был в отпуске в Одессе. Встретился с китобоями, один уже работал старшиной на спасательном катере. Выйдем с ним на чистую воду, чтобы пляжники не заплывали далеко, отгоняем мегафоном. Ловим бычки, Коля прыгает с катера и целый день загораем. Хорошо провели дней десять. Сегодня уехали, а завтра чума в Одессе. Никого не выпустили. Короче в разговоре с друзьями-одесситами, приезжай, устроим на работу. Коля Андриенко на плавдоке мотористом гоже приглашает, дает гарантии. А вот на счет жилья как только надо продавать дом. Будут деньги на руках, уже легче и Кравцы говорят найдем маклера и все решиться быстрее. Рассчитался я, немного навел порядок своей усадьбы, подкрасил и решили продавать. Сенсация для всех, кто может решиться на такое, кроме меня. Не холостяк же, да и дома жалко. Не отговаривали, в конце концов продали дом. Семья к деду Шевцову, а я в Одессу. Недели две там жил, а жена звонит каждый день и говорит, лучше в Днепропетровск возвратимся, рядом старики наши. Короче прилетел в Днепр и благодаря друзьям через день прописался у Алексеевых, месяц пожил и перешел жить в общежитие на Красной, 20 рядом областное управление МВД.

В таксопарке работал Саенко В.Н. старый друг, пришел к нему, а в то время приема шоферов не было. Освобождалось место кладовщика агрегатного склада. Феня уходила на пенсию. Через Павла Никитича Шарко -зав. техотделом меня приняли, пока слесарем в ОГМ. А с первого ноября 1973 года буду принимать склад.

Работа слесарей по хозяйству была разнообразной. Ремонт всего оборудования, которое обеспечивает нормальную работу таксопарка, сработался я сразу, так как никогда не ленюсь и не пренебрегаю любой физической работой. Пролетело две недели, пора принимать склад. Кладовщица пошла жаловаться к главному инженеру, где тот человек, что должен у меня принимать склад. Вызывает меня главный инженер, я ему говорю, что если можно я буду слесарничать. Он ухмыльнулся, ну ладно говори, продолжай работать. В агрегатном складе мелочей частей не было. Только узлы автомобиля и стройматериалы - лес, краски, плитка и. т.д. Работа шоферов позже, я убедился, что место очень доходное. И на мое место сразу нашелся кладовщик. Ну что поделаешь, не по нутру мне этакая работа.

Рабочая на стройке я присматривался к профессии, как ложить цеглу, как штукатурить. И в таксопарке много положил кирпича. То окно заложить, то забор продолжить или запасные ворота доложить, столбы. Понравился я главному инженеру и он меня пригласил к себе на Мирный, где мы с ним выложили ему веранду, выгребную яму слива из ванны. Телефонный колодец возле двора и еще кое-что. На выходные я ездил к своим в Васильковку. Прошло месяцев восемь и мне главный говорит, -пора Иван Иванович, тебе на машину садится, как раз из Горького пришла новая Г'АЗ-24, ты заслужил ее. Поскольку работа, которую делают слесаря по хозяйству низкооплачиваемая, и кто выдержит определенный срок, получает новую машину. Определили меня в 5-ю автоколонну, их было шесть в таксопарке. Недельку постажировался в БД, я же на легковых не работал и поехал на линию, плохо зная город. Садится пассажир и говорит адрес, если я не знаю, я говорю, что эта машина с Новомосковска. За несколько смен, уже мог ориентироваться, где какой поселок. Первую смену отработал, пришел в общежитие лег на кровать, глаза закрыл, все во мне гудит, кровать едет, ногами торможу на педали. Такого стресса я не испытывал в жизни.

За пятнадцать лет работы на такси можно написать книгу, ничего не выдумывая, излагая только факты. Почти миллион километров проехал я на таксомоторе по Днепропетровску. Работал только по городу, за пределы его не выезжал. Максимум раз, два в год километров пятьдесят в какой-нибудь район или село. За все годы ни одной жалобы со стороны пассажиров не поступало, а от благодарности в мой адрес каждую смену. Ни одному человеку не назначил цену поездки, часто и грустно зная, что с того поселка буду возвращаться "пустым". А за "холостой" пробег не платили в таксопарке, а еще и вычитали с определенного количества пробега. "Навар" оставался от людей, у которых лишние деньги были. Или в дни получки. Сел, положил пять, десять рублей - сдачи не надо. Или по дороге выходя из машины положит деньги, поблагодарит и ушел. С остальными рассчитывался как и положено. Мелочи у меня всегда пол кармана для сдачи. По городу работа процентов 40 таких таксистов. А "прибивщики" -это те, что стоят у вокзалов и в аэропортах, они по городу не работают. Цену назначают сами, тут уж наглецов полно. Первые годы работал в основном ночью. Езда спокойная, не жарко и с "наваром" лучше. В основном люди "навеселе", щедрые и блатных навалом. С ними по ихнему и общался. Часто говорили - ну, батя, ты паленый перепалённый, и сразу зауважают. Только не трусить, зная что вор на мелочевки не разменивается. А сямкам дать отпор и они на попятную идут, или пыль в глаза пустить. Под ногами всегда монтировка или другой предмет самообороны. Стычки бывали и у меня, но я же "везучий", как сказал об этом раньше.

Главное не теряться, будешь “везучим”. За месяц до пенсии, в 60 лет пришлось драться с двумя пьяными блатными, возле бензозаправки. Последние годы работал днем, из дома выходил в половине четвертого утра, еще темно кругом. Лет пять обслуживал кладбищенских рабочих. Самых надежных пассажиров. Утром на кладбище, вечером по домам развозил, или по ресторанам. Платили в основном хорошо, не все конечно. Раз в четыре был в аварии. Били в задок, сбоку и спереди зацепил один частник, выскочил на главную с второстепенной, прошелся по моей облицовке. Не затормози я вовремя, он бы мне въехал прямо в салон и вряд ли мы с пассажиром были целыми. А с правой стороны ему врезался мотоцикл, ехавший как и я по главной, ничего не подозревая. Один хлопец сразу погиб, а другой в реанимации. Таких трагедий насмотрелся. И что же, Радянська Влада - оправдали, вернее не судили виновника трагедии. В свое время он был шеф-пилот Макарова директора ракетно-космического завода, тут Москва всему голова. В СССР превалировал закон Сильного, а точнее беззаконие для “шишек”. Время работы на такси пришлось в период моей язвенной болезни. А это основная причина для моего дохода, который мог бы быть большим. Много поступало так, план сделал, счетчик “настроил” и часа четыре, а если есть работа и больше работает на себя. Но эта работа изматывает и здоровых людей. Очень стрессовая, если взять сопоставить смертность людей по одинаковому количеству. То таксисты, наверное, на первых местах были бы. 30-40-летние, вчера с ним работал, через день приходишь на смену, уже его фото на некрологе висит. Убивали, резали тоже часто, чаще чем других профессий. При мне с нашей колонны двух тридцати лет таксеров грохнули ночью, в 1984г. и 87 г. Все отпуска я израсходовал на лечение. Закарпатье, Прикарпатье, Сев. Кавказ, Кубань. Съездил и в Карловы Вары. Слетал на Камчатку к Марьянам. Еле-еле доработал до пенсии. Начислили мне аж 108 руб. за доблестный труд. Зато почетных грамот очень много, для школьника может это и в радость.

Отметила моя семья такое событие, как и многие другие в течение всей жизни отлично.

В условиях тесного жилья собралось 16 человек родных. Прошла неделя, я в гараж пригласил 20 чел., кто был. Нанял речной трамвай на день 13 октября, загрузил лодкой, пивом, прохладительными, ведро эмалированное мяса для шашлыков, с озера, других продуктов. Камчатцы постарались - икры красной и рыбы деликатесной выслать вовремя. Пошли мы по Днепру, пристали к острову и до темна гужевались, день был по осеннему теплый, кое-кто искупался даже.

Опять через неделю с женой набрали мяса, рыбы, водки и поехали на Васильковку, там 12 человек друзей собралось у Марии Григорьевны. Отметили мое 60-летие. Кажется не было таких, кто сказал бы - меня не позвали. Хотя на родине и сто человек пришло бы праздновать. Вот так мы отметили мой пенсион. Жене моей, Лидии Григорьевне 50-летие дома отмечали хорошо. А пенсионные 55 лет в Доме Быта в круглом зале устроили настоящий бал. Весь почтамт веселился до 24-х ночи. Говорили участники праздника, что такой "гулянки" еще не было в этой среде. Водки, шампанского, закусок изобилие, еще и домой было чего забирать не употребленного.

По-другому наша семья и не мыслит жизни. Что себе, что детям отмечали все круглые даты. Вот в таком мажорном настрое, я и заканчиваю описание минимум фактов моей жизни и деятельности. Будь дано человеку две жизни наверное, и я бы плодотворнее прожил ее.

В каждом из нас, что-то умирает, в чем бы ты мог проявить себя с хорошей стороны, как талант. А мы думаем, что себя poznали сполна.

Январь 1995 года. Надоело писать, а стоило ли? Да! Просто для себя прочитал вкратце свою жизнь по памяти, как мог. Правдиво без вранья.

*Был он сложным, как крутой подъем.
Милосердным, словно нож хирурга
Он умел поставить на своем
Из несчастья вызволяя друга
С ним шагать бывало тяжело
Мир вздымался круто и отвесно
И купая в облаке крыло
Неожиданно рождалась песня
И теперь, навек прощаясь с ним
В хмурый день, что стал уже вчерашним
Поняли мы, как необходим
Был он нам, лесам, полям и пашням.
К мокрым векам прикипает снег
Скорбной мысли всё сильнее голос
Вот ушел хороший человек
И от жизни глыба откололась*

**ВСЕ-ТАКИ
ЖИЗНЬ ДЛИННОВАТА!**